

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Излюбленное оружие
богини смерти Калмы –
изысканный серп.
Скоро скользнет он
по натянутым нитям
человеческих жизней,
и соберет жестокая
небожительница
обильную жатву...

Екатерина ЛЕСИНА

Серп языческой богини

Екатерина Лесина
Серп языческой богини
Серия «Артефакт-детектив»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3955365

*Серп языческой богини : роман / Екатерина Лесина. : Эксмо; Москва;
2012*

ISBN 978-5-699-59097-1

Аннотация

Много сотен лет пролежала в глубокой пещере под землей прекрасная девушка. Кроме великолепных украшений из золота и серебра и драгоценнейших монет в этом захоронении, месте погребения незнакомки эпохи неолита, археологов ожидала не менее значимая находка. Белый, гладкий, изысканный и очень острый серп с красивейшим орнаментом на рукоятке. Но вывезти исторические сокровища с берегов Ладожского озера не удалось – начавшаяся Великая Отечественная война сорвала все планы. Еще много лет простояли в пещере ящики с древнейшими находками, пока наконец на Черном озере не появились современные кладоискатели. Для ненавидящих друг друга сестер Вики и Таси ничего не стоит потревожить останки мертвых... Но они даже не предполагали, что смогут разбудить дух безжалостной языческой богини Калмы. Она никому не собирается отдавать свой излюбленный серп, и множество голов полетит на алтарь смерти, обильной будет жатва...

Содержание

Пролог	4
Часть 1	13
Глава 1	13
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	38
Глава 5	51
Глава 6	60
Глава 7	71
Глава 8	85
Глава 9	103
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Екатерина Лесина

Серп языческой богини

Пролог

Вьюга плясала на крыше. Снегом залепила окна густо, плотно. Шевелились грязные шторы. Вздрагивали листы раскрытой книги, переворачивались, как если бы читал ее призрак. Человек же, свернувшийся на кушетке, спал.

Казалось, что он спит.

И женщина, сидящая в кресле, тоже, казалось, спала. В ее руке – бокал. Но он чересчур тяжел и вот-вот выскользнет.

Илья вынул бокал из мертвых пальцев и поставил на стол. Книгу закрыл.

– Эй, ты...

Дом прокатил эхо голоса по ступеням и перилам, отразил стенами, и буря притихла, прислушиваясь: неужели под черепичной крышей остались живые?

Неправильно.

На дубовых перилах свежая надпись.

Калма.

Она повторяла ту, выведенную углем на стене. Печатные, неровные буквы. Дурная шутка, и шутник скрывается где-то в доме. Живой среди мертвецов.

Илья крался к двери. В руке его был пистолет, дуло которого гуляло, выискивая среди теней ту, что не являлась тенью.

Взвыла выюга, ударила тараном. И дом затрещал.

Выдержал.

Пока.

До берега – триста метров снежного поля, продуваемого насквозь. На берегу – лодка. И если повезет, в баке остался бензин, а мотор запустится сразу.

Заскрипели половицы. Раз. Два. Поворот. Темнота. Смешок совсем рядом. Нежное теплое прикосновение к щеке. И запределье дышит в затылок.

А дверь совсем рядом... куртку надеть. Секунда, если руки свободны, а с пистолетом – дольше.

На рукаве надпись, сделанная мелом.

Калма.

– Не убегай, – просит запределье чужим голосом. – Мы ведь не доиграли.

Распахивается дверь. И порыв ветра едва не опрокидывает на спину, выворачивает руку, в которой пистолет. Выстрел гремит. Наступает темнота, в которой слышен веселый смех.

– Поиграем?

– К черту иди!

Илья ныряет в бурю, проскальзывая меж шалами выюги, скрываясь в снежной круговерти. Он бежит, проваливается в сугробы, черпает ботинками снег и почти сразу замерзает.

Волосы становятся сухими и ломкими. Кожа – пылает.

Сколько он продержится? Минуту? Десять?

Черное небо катает луну. И она то прячется среди елей, то вдруг выныривает над самой головой, сыплет свет, указывает. Предательница!

Пальцы потеряли чувствительность. И о пистолете в руке приходилось помнить. Он бесполезен, этот пистолет, но Илья не бросал его из упрямства.

И еще потому, что пальцы не разжимались.

Берег близок. Воздух сырой. Ели знакомые. Сгибаются со стоном, с воем, кланаясь против собственной воли.

В спину бьет выстрел. Илья слышит его, хотя звук теряет-ся среди прочих звуков. Пуля проходит над головой.

Повезло.

Демоны не стреляют из ружей.

Хотя что он вообще знает о демонах?

Озеро кипит. Вода его черна. А лодка лежит на пристани, укрытая брезентом.

Безумие. Как-нибудь. Повезет. Должно повезти.

Стоило развязать веревки, и брезент попросту сдуло. А лодку пришлось сталкивать. Она примерзла и не желала двигаться, сколько бы Илья ни налегал на крашенный беленый корпус. Он почти отчаялся уже, когда под корпусом вдруг треснуло и лодка медленно поползла по настилу. В озеро она упала, едва не утонула, но устояла. И выдержала вес единственного пассажира.

Везение продолжилось, когда мотор завелся.

И закончилось, когда ветра расступились, пропуская пулю. Она прошла сквозь заледеневшую ткань и пуховую прослойку, впилась в тело и в нем же застряла.

Илья подумал, что, наверное, сдохнет. Если отключится, точно сдохнет. До другого берега оставалось пять километров кипящей воды. До человеческого жилья – с полсотни.

Здравствуй, дорогая С.!

Я не собираюсь отправлять это письмо, просто выяснилось, что мне нужен собеседник. Легче писать кому-то.

Мы никогда особо не дружили. Теперь мне ясно, что друзей у меня не было и быть не могло, но это обстоятельство ничуть меня не огорчает. Им хотя бы не придется лгать, когда я уйду.

Я уже решила для себя, что не стану сопротивляться. Во-первых, это лишено смысла. Во-вторых, лишь усугубит мое и без того непростое положение. И если какая-то часть меня кричит о несправедливости происходящего, то часть другая уже смирилась.

Эта экспедиция будет последней.

Я не жду от нее многого. Пожалуй, я вообще разучилась ждать и верить, поскольку вера иррациональна, а ожидание лишь изматывает. Но в целом здесь неплохо. Калмин камень – крошечный островок. Его название вряд ли что-то тебе говорит. Интересно другое – остров равноудален от берегов

озера, идеальная форма которого совершенно нехарактерна для природного ландшафта. Население считает и озеро, и остров проклятыми, хотя и побаивается говорить об этом.

Впрочем, сейчас в принципе побаиваются говорить, и моя откровенность – еще одна причина отправить письмо в печь.

На острове имеется дом во вполне приличном состоянии. Странное ощущение. Здание, вне всяких сомнений, реставрировали, если не отстраивали заново. Все делают вид, будто так и надо. Мы здорово научились не замечать лишнего. И даже сейчас я не рискну рассказать тебе о собственных догадках. Лучше уж говорить об острове, об экспедиции. По-моему она лишена всякого смысла. Нас собрали и отослали не куда-то, а откуда-то, из Ленинграда, в тщетной попытке вывести из-под удара. И некоторые верят, что получится.

Например, Г.

Он очарователен. Милый. Робкий. Романтичный. В другое время я высмеяла бы эти его качества, но сейчас именно они привлекают меня. Сказывается близость смерти?

О да, на острове ею пахнет.

Ты, наверное, не знаешь, что Калма – это богиня смерти в финской мифологии. Порождение хозяев Туонелы – подземного мира. У финнов целое семейство смерти: Туонен-укка – отец, Туонен-акка – его жена, старуха с крючковатыми пальцами, Туонен-пойка – кровожадный сын, Туонен-тют-

терет – дочери, малые ростом, с лицом черного цвета...
Калма-жница. Поэтично, ты не находишь?

Местные помнят о ней. Г. раскопал одну историю... легенду местную, и даже не совсем местную – легенды имеют обыкновение перепевать друг друга, переходя из селения в селение. Эта – о том, как герой Илмайллине обманул Калму и запер в железном доме. Поучительная, к слову, история. Г. уверен, что рассматривать ее следует как аллегорическое представление борьбы женского и мужского начал. Мне же видится обыкновенная подлость.

Мужчинам нельзя верить. Замечательная, по-моему, мысль. У меня сейчас странный взгляд на вещи. И мысли в голову идут такие же...

Твоя Лиза.

5 июня 1941 года.

Дорогая С.!

Я не уничтожила предыдущее письмо, поскольку нет смысла сжигать половину истории. Мы по-прежнему на острове, и я отчаянно нуждаюсь в собеседнике. Г. не подходит. Он готов говорить о финской мифологии, суевериях и скорой победе материалистического мышления. А мне страшно.

Меня мучают кошмары.

Будет неправильно сказать, что появились они на острове, но здесь, несомненно, стали ярче. Просыпаясь, я задыха-

юсь от боли, от ощущения мертвости тела – не знаю, как иначе описать это состояние. Страх уродует меня.

Вчера я сказала Г., что ему следует притвориться влюбленным в М. Это наша кухарка, из местных. Девушка не глупа, скорее, по-детски наивна. Она поверит. И все поверят, ведь М. хороша той природной дикой красотой, которой мне не досталось.

Я понимаю, что поступаю подло, но мне не хочется подставлять под удар Г. Есть еще одно обстоятельство...

Твоя Лиза.

7 июня 1941 года.

P.S. Это была неудачная мысль. Я ревную. Я отдаю себе отчет, что все – лишь игра, но то, как Г. смотрит на нее... мне хочется унижить М.

Меня не отпускает мысль, что я уйду – она останется. И что тогда? Забудет ли Г. о ней так же, как и обо мне? Или вернется? Та легенда... она о предательстве и обмане.

Дорогая С.

Только тебе я могу сказать правду: она позвала меня. Во сне, наяву... я не могу объяснить это с точки зрения науки, но именно она позвала меня. Иначе как я очутилась на том месте? Не помню, как ушла из дому, только это довлеющее, непередаваемое словами ощущение нежизни. И холод. И звон в ушах.

А потом все исчезает, и я остаюсь одна.

Я и еще самая удивительная находка за последние десятилетия!

Хочу рассказать о ней, но мысли сумбурны, будто кто-то закрывает мне рот или, правильнее сказать, останавливает руку.

Г. уверен, что это – храм. Древнее капище Калмы, единственное и уникальное. О. считает, что мы нашли могилу некой знатной особы. Она назвала ее Калмой, не то по глупости, не то в шутку. Мне она не видится смешной. Кажется, я скоро стану суеверна, как наша М.

О! Их с Г. отношения все меньше напоминают придуманный роман. И я почти готова вцепиться ей в волосы, но сдерживаюсь. Лучше писать о находке, чем о ней.

Почему храм не похож на храм? Почему все украшения, которые были найдены, лежат бессистемно, словно их швырнули на пол? А на девушке – судя по состоянию зубов, наша покойная молода – нет ни браслетов, ни перстней, ни даже плохоньких бус?

Пальцы судорогой свело. Смеюсь над собой – она не дает писать.

М. рассказала Г. продолжение той легенды. Оказывается, Калма способна выбраться из заточения, если отыщет подходящее тело. Человека с треснувшей душой. И тогда я – лучший кандидат. Моя душа, если она есть, вот-вот развалится. Так зачем же медлить?

Мне жаль ее. И жаль себя. Всех нас. Мерещится, что вот-вот произойдет ужасное. Гоню мысли прочь. Смеюсь над собой и всеми. Мне можно быть злой: осталось недолго.
20 июня 1941 года.

P.S. Григорий сделал несколько фотографий. Жаль, нет возможности проявить пленку. Но думаю, тебе бы понравилось.

Дорогая С.!

Мы бежим с острова. Сказали – война. А я не верю. Все остается здесь. Залог возвращения? Надежды? Скорее необходимость. Но место надежно. Оно ведь столетиями оставалось нетронутым. И продержится пару месяцев. А там война закончится и...

Наверное.

Мне не хочется уходить. Я подарила Грише папины часы. Я сделала гравировку. Раньше. Мне хотелось, чтобы он помнил обо мне, потом, когда меня не станет. А он отдал медальон. Смешной романтичный мальчик.

Мы все – смешные дети, которые играют на краю бездны. Я не стану сжигать письма.
24 июня 1941 года.

P.S. Мне хочется верить и надеяться. Он не забудет и не предаст меня, а я вернусь на Калмин камень. Когда-нибудь.

Часть 1

Калмин камень

Глава 1

Нежданный гость

Саломея спала. Она проспала ноябрь с его вечными дождями, которые стирают грань между днем и ночью, превращая и то и другое в сизую водяную зыбь. В полусне минул декабрь, сырой и скучный, бесснежный. Новогодняя ночь осталась в памяти запахом мандаринов, подгоревшей курицей и старой пластмассовой елкой.

На следующий год Саломея купит живую.

Она себе обещала. Как и в прошлом.

Январь вдруг принес снег и несколько ясных дней, которых хватило, чтобы очнуться и убрать квартиру. А потом вновь стало темно, и Саломея вернулась в постель.

Она спала. Сладко. Много. Или тяжело, пробиваясь во снах сквозь огонь, который замерзал и становился плотным, как оранжевое стекло. В нем застывала и Саломея.

Муха в янтаре. Но там хотя бы спокойно...

Однажды во сне позвонили. И звонили так долго, настойчиво, что Саломея рванулась и выпала из янтарной ловушки.

ки, а потом и из сна тоже. А звонок не исчез. Он трещал, назойливый, мерзкий, и пришлось вставать.

Пол холодный. Тапочки потерялись. Звонок звенит.

Звенит звонок.

Саломея не желает никого видеть. Но надо открыть. Если не открыть – звонок не смолкнет. И Саломея не вернется в сон.

– Уходите, – сказала она, возясь с замками, именно теперь они стали вдруг непослушны.

Не уходили.

Давили на кнопку. И замки подчинились.

– Привет, – сказал Далматов и просунул между косяком и дверью ногу. – Соскучилась?

Наверное, Саломея еще спала, и потому злость ее оказалась приглушенной, как удивление и все прочие эмоции, которым полагалось бы быть, но их не было. Сквозь сон воспринимался коридор. Книги. Обувь. Вещи, сброшенные грудой. Далматов, который вошел в квартиру и дверь за собой прикрыл. Он выглядел неважно. И двигался странно, поддерживая левую руку правой, как будто опасаясь, что, если отпустит, рука отвалится.

– Я все понимаю, – он говорил быстро. Саломея не успевала понимать. – Я сволочь и все такое, но пулю надо вытащить... Ты же умеешь?

Пуля сидела в лопатке. Она прощупывалась и была видна безо всякого рентгена – кусок искореженного металла под

кожей. Входное отверстие успело затянуться, зарости красной коркой спекшейся крови, и Саломее было страшно тревожить эту корку.

Важные сосуды не задеты, иначе Далматов давным-давно истек бы кровью.

Воспаления нет. Нагноения тоже.

Кость, может быть, треснула. Это плохо. Ему бы в больницу, но там станут задавать вопросы. А Саломее спрашивать лень. Во снах все рано или поздно проясняется.

– Она на излете уже. И пуховик был. Свитер, опять же.

Свитер лежал на кухонном столе, толстый, вязаный, с круглой крупной дырой и кровавой каймой вокруг этой дыры. Кровь засохла, и кайма была тверда на ощупь.

– Перевязался я сам, а вытащить – не получится. Если бы спереди...

– Ты был бы мертв.

– Все-таки разговариваешь. А я уж опасаться начал, что онемела вдруг.

Саломея отвернулась.

Закипела вода. Сколько вообще положено стерилизовать инструменты? Саломея ведь помнит. Ей приходилось... нет, не пулю вытаскивать – зашивать раны. Зашивать – другое. Прокалывай и тяни. Здесь тоже в теории просто. Разрезать. Зацепить пинцетом. Вытащить.

Остановить кровотечение.

Крови будет порядочно.

– Спирта у меня нет. Есть водка.

– Сойдет. И мне стакан налей. Еще полотенце. Жгутом сверни.

– Зачем?

– Чтобы не орать. Если отключусь, то не надо в сознание приводить.

– Хорошо. – Саломея все еще пребывала в том странно спокойном настроении, когда она готова если не на все, то почти на все.

Два стакана. Одна бутылка «Столичной люкс». Она стоит в холодильнике целую вечность, Саломея не помнит, откуда эта бутылка взялась, но теперь хорошо, что водка есть.

Полотенце махровое жгутом.

И песок, почти высыпавшийся из часов. Далматов пьет большими глотками, зажмурившись.

Надо было выставить его.

Потом. В другом сне. А сейчас снять инструменты с огня. Вытащить пинцет и протереть лезвие спиртом. Запоздало вспомнилось:

– Аптечка твоя где?

– Осталась. – Далматов неотрывно смотрит на инструмент. Знает, что будет больно. Но все время от времени бывает больно.

– Где?

– Там, куда я точно не вернусь.

Саломея пожала плечами: ему виднее.

Острый клюв пинцета легко вошел в раневой канал. И застрял, не способный захватить пулю. Она сидела на лопатке, впившись в кость, и края пинцета соскальзывали. Смыкались. Щелкали.

Звук этот болью отзывался в нервах. И Саломея стискивала зубы. Пробовала поддеть, надавить, сдвигая с места, злясь на себя за неумение.

А потом что-то хрустнуло, и пуля выскочила. Она упала на пол и осталась лежать – темный ком в луже крови. Ее как-то очень много, крови. Спину залила и расписного змея, который смотрит на Саломею с упреком. И надо бы поторопиться, но не выходит. Во сне движения медленные.

Она промывает рану водкой. Прижимает к дыре подушку из бинтов и ваты. Заклеивает широкими полосками медицинского пластыря. И сверху укрывает еще несколькими слоями бинта.

Надо бы наложить плотную повязку, но Далматов отмахивается. Он выплевывает жгут, на котором остались четкие следы зубов, и бормочет:

– Х... хреновый из тебя... хирург.

Илья вытаскивает из стакана с водкой пинцет, пальцем разбалтывает кровь и пьет. Допив, ставит на стол, ощупывает плечо здоровой рукой и спрашивает:

– Я пойду. Прилягу?

До кровати доходит сам и, упав, все-таки отключается. Саломея хватается за то, чтобы укрыть его одеялом. Она возвра-

щается на кухню, поднимает пулю и полощет ее в остатках водки.

Убирается. Кровь затереть. Тряпки – в мусорное ведро. Испорченный свитер – на спинку стула. Куртку обыскать. В левом кармане – дуэльный пистолет системы Лепаж. Из дула пахнет сгоревшим порохом, но запах не очень свежий. День? Два? Но пуля не от него – современная.

Во втором кармане – лист бумаги. Печатные кривые буквы: «До скорой встречи. Калма».

Калма... Саломея определенно слышала. И видела. На рукаве пуховика. Надпись красным маркером. Метка, которую посадили на Далматова, а потом отправили вдогонку пулю.

Сам виноват.

Пуля лежала в стакане. Серый кусок, отчасти сохранивший изначальную форму. Под пальцами ощущаются неровности. Свежие царапины – следы пинцета. И старые, успевшие окислиться. Крест? Нет, скорее полумесяц... или серп?

Кто и зачем стрелял в Далматова пулей, помеченной полумесяцем?

Не повезло – попали. И повезло – попали на излете. Пара метров ближе к стрелявшему, и Далматов исчез бы навсегда. Возможно, это было бы справедливо.

Глава 2

Остров потерянной надежды

Кроатон. Жнец душ, очистивший остров Роанок от чужаков, шел за Далматовым. Илья оборачивался, но на белом-белом снегу оставались лишь его следы.

Демон был близко.

Его серп рассекал метель, и ветер плакал от боли. Скрипели сосны. Где-то далеко, на другой стороне острова, озеро упрямо грызло каменистый берег, оставляя на камнях седую слюну и отрыжку из водорослей.

Хрустел наст. Хриплое дыхание прорывалось сквозь зубы, повисало облачками пара. Пот скользил по шее. И шрам на руке сводило судорогой.

Пуля одна.

А демон совсем близко.

И Далматов спотыкается. Он падает в снег, проваливаясь в расщелину по самые плечи, скользит, летит кувыркком с горы. С хрустом ломается нога. Боли нет.

Это сон, и боли нет.

Всего-навсего сон. Далматов рассмеялся от облегчения: со снами он как-нибудь управится. И с демоном тоже.

– Поиграем? – предлагает тот. Он стоит над Ильей, против солнца, и виден лишь черный силуэт.

– Поиграем.

Илья поднимается. И поднимает пистолет, целясь в голову.

– Ты не угадал, – говорит тот, протягивая лапу. – Если это сон, то какой смысл меня убивать? И если это сон, то почему тебе больно?

Коготь демона пробивает плечо. Далматов кричит.

И просыпается.

Жарко. Плечо пылает. Дергает мелко, нервно. И эхо боли отзывается в висках. Во рту – сушь. Голова тяжелая. Рука и вовсе неподъемна.

А главное, он понятия не имеет, где находится.

Комната. Белый потолок. Серый карниз. Шторы в крупную складку. Ткань синяя с желтыми кляксами. Тюля нет. На радиаторе – решетка из бамбука и два фарфоровых котенка.

Ковер. Кровать. Люстра с пыльными подвесками.

Запах мандаринов. Елка в углу, старая, пластиковая и полаявшая от возраста. Фотографии. Кресло в углу. Женщина в кресле.

Ноги ее укрыты пледом. На коленях – плетеная корзинка с разноцветными клубками ниток. Порхают спицы, надстраивают ряд за рядом что-то длинное, серое, скорее напоминающее дохлую змею, нежели шарф.

– Привет. Кто такой Кроатон? – спросила Саломея Кейн, откладывая вязание.

– Никто.

– Врешь. Ты его звал.

– Бредил.

Она кивнула и задумчиво произнесла:

– Знаешь, если бы ты умер, был бы сам виноват.

Далматов осторожно, придерживая голову здоровой рукой, кивнул.

– Мне даже хочется тебя прибить, – так же спокойно продолжила она. – Ты о чем думал?

– Не помню. Водички дай.

Дала. Помогла напиться. С водой вернулась память, во всяком случае частично, потому что некоторые участки дороги Далматов не помнил. Как добрался до стоянки. Как сел в машину, вывел на трассу – помнил. Как останавливался в каком-то городишке, дозаправляясь – тоже помнил. И как здесь оказался. Стоял, давил на звонок, надеясь, что откроют.

А вот как ехал – нет.

– Тебе надо к врачу. – Саломея положила горячую ладонь на лоб. – У тебя может быть заражение. Или воспаление. Или не знаю, что... ты вообще кровью истечь мог! Насмерть! Что мне тогда делать?

– Тело лучше разделявать в ванной и выносить частями.

– Спасибо, учту.

Боль отступала, концентрируясь в плече. Неприятно, но не смертельно. День-два, и дыра затянется, на нем все быстро зарастает. Правда, пока малейшая попытка пошевелить рукой вызывала вспышку острой парализующей боли.

Пройдет. Все проходит и неожиданное перемирие тоже.

– Ты лицо обморозил. И руки.

А в легких знакомо хлюпало. Вот только пневмонии для полного счастья Далматову не хватало.

– Спрашивать, куда ты влез, бесполезно?

– А тебе интересно?

– Нет.

Не лжет. Она не такая, как осенью. Бледнее. Слабее. Сонная, как цветы зимой. Волосы и те потускнели, а веснушки пропали. Без них кожа приобрела неприятный желтоватый оттенок.

Саломее плохо.

Она возвращается к вязанию, перебирает клубки, точно впервые их видит. Роняет несколько, но не наклоняется, чтобы поднять. Спицы в ее руках мелькают, тянут красную нить, но, вплетаясь в узор шарфа, та становится серой.

Надо уходить. Далматову сейчас не до чужих проблем.

– Ты не поможешь? Как-то неудобно одной рукой...

Рана ноет. То затихает, то вспыхивает, отдаваясь судорогой в пальцах, заставляя материться и проклинать тот день, когда Далматов сунулся на Калмин камень.

Саломея больше ни о чем не спрашивает. Помогает одеться – свитер и рубашка чужие, явно новые, но вряд ли куплены сейчас. Вещи источают слабый аромат плесени. Лежали долго. Отсырели. Но для кого они приобретались?

И что случилось с ним?

– Спасибо.

Молчаливый кивок. Ключи проворачиваются в двери со скрипом.

– Подвезешь? – Илья спрашивает, чтобы выдернуть ее из сомнамбулического состояния. – Или такси вызови.

Саломея думает, минуту или больше, стоя на пороге, разглядывая клетчатый узор плитки. И решается:

– Подвезу. Я... давно не выходила из дому.

Илья не уточняет, как давно.

Его машина стоит во дворе, занесенная снегом. Белый горб среди других горбов. Заводится сразу. В салоне грязь. Пакеты какие-то, пустые бутылки. Разодранная рубашка в бурых пятнах. И отсыревшие, начавшие вонять перчатки.

– Ты живешь там же? – Саломея стряхивает с сиденья крошки. Щурится от солнца и просыпается.

– Ты же знаешь. Приезжала.

– Ну да... Хотела сказать, что ты – сволочь.

А он убрался из города. Неделя отдыха и новое дело. А потом еще одно. Калмин камень, снежный демон, пуля и очередная зарубка на теле.

Тело устало получать зарубки. И Далматов пообещал себе, что эта – последняя.

Машина трогается с места мягко. А дорогу он все-таки помнит. Эпизодами. Остановку в лесу. Бинт из аптечки, который приходилось разрывать зубами. Комки запихивал под свитер, затыкая рану. Уже знал, что ничего серьезного, но

болело и кровило. И становилось жутковато. Не потому, что Далматов боялся умереть, скорее, неприятно было бы умирать именно так – посреди леса.

Волчий корм. Лисья радость. И полное воссоединение с природой до тех пор, пока кто-то любопытный не обнаружит останки.

– Я прочла про Кроатона. И Роанок. Колонисты Рейли. Сто пятнадцать человек, пропавших без вести. И единственное слово, вырезанное на стропилах дома.

Смотрела Саломея исключительно на дорогу, отросшие волосы падали на лоб, закрывали глаза. И Саломее приходилось то и дело убирать непослушные пряди. А они возвращались, заслоняя яркое зимнее солнце.

– Не лезь в это дело, – попросил Далматов.

– Остров Роанок находится у побережья Вирджинии. Но сомневаюсь, чтобы ты Атлантику преодолел.

– Не лезь!

Слишком опасно.

Белый снег. Белый дом, окруженный елями. Лапы прогибаются под тяжестью сугробов. И деревья клонятся к дому, будто желают заглянуть в окна.

Следы.

Волчий вой, не ночью – на рассвете. Он предупреждает: стая близко. Демон рядом. Идет за вами, жнец душ, и серп его остер.

– Ты вернешься, – Саломея заговорила вновь, лишь до-

бравшись до поместья. — Ты отлежишься, а потом полезешь ловить своего демона. Но, Илья, больше не приходи ко мне, хорошо? Я не врач. И не друг. И меньше всего хочу прикрывать твою задницу.

Она остановилась у центральной лестницы, выходить не стала и от предложения заглянуть в гости, не слишком-то искреннего, поскольку Далматов меньше всего был расположен к гостям, отказалась. Попросила только:

— Такси вызови.

— К вязанию спешишь?

Хотелось ее уколоть, чтобы очнулась, ожила, наорала или пощечину отвесила, сделала хоть что-нибудь, чтобы выбраться из полусонного своего состояния. Но Саломея лишь пожала плечами и, сгорбившись, побрела по аллее.

Старые каштаны указывали путь к воротам.

— Эй! Замерзнешь.

Не оглянулась, не ускорила шаг.

Потом. Далматов потом с ней разберется.

И со всем остальным тоже.

Весну на остров приносили чайки. Они появлялись стаями, облепляя прибрежные камни так, что издали казалось, будто берег укрыли живым белоснежным покрывалом. Чайки кричали, ловили рыбу и гоняли хитрых ворон.

Потом появлялись птенцы, и гомону становилось больше, равно как и серого грязного пуха, который сдувало на воду.

Рыба уходила. Зато приходили лисы. Они крались меж камней, прячась от зорких чаячьих глаз и крепких клювов, выискивая добычу... у лис тоже имелись детеныши.

Зимой чайки уходили, лисы прятались и наступало волчье время.

Человек раскрыл окно, вдохнул ледяной воздух и, сложив губы особым образом, завыл. Заунывный звук потянулся к низкой луне, отразился от неба, но не погас, расплылся по острову, тревожа живое.

Секунда. Две. И на голос отозвались.

Многоголосье волчьего хора разрушило ночную тишину. И даже когда человек замолчал, а замолчал он довольно скоро, волки продолжали петь. Человек слушал. Прислонившись к раме, он выводил на промерзшем стекле букву за буквой.

Калма.

Лед таял, принимая слово, обещая сохранить его для тех, кто непременно вернется на остров.

Глава 3

Чужие долги

Такси высадило Саломею у магазина.

Холодно. И сумерки скоро. Еще солнце над горизонтом висит, но Саломея чувствует приближение темноты. Домой бы вернуться, и поскорей.

Лечь в кровать.

Закрыть глаза. И нырнуть в сон.

– Эй, смотри, куда прешь! – паренек, налетевший на Саломею, ткнул ее сухощавым кулачком в грудь. – Коза подда-
тая!

Сам такой. Надо сказать, но в полусне сложно говорить. И эмоций почти не осталось. Она пыталась злиться на паренька, на Далматова, благо поводов хватало, но вместо этого испытывала лишь огромное облегчение оттого, что снова осталась одна.

Так ведь проще.

Вот только дверь оказалась открыта. Наверное, Саломея забыла запереть... Но кто тогда оставил мокрые следы на ковре? И лыжные перчатки на полочке у зеркала.

Гости?

Саломея не ждала гостей. Но гость ждал Саломею.

– Вечера доброго, – как-то не слишком добро сказал темноволосый мужчина, демонстрируя пистолет. – Поставьте

ваши пакеты. Да, в уголок. А сами к стеночке встаньте.

– Вы кто?

В пакетах яйца. И французский батон, который легко крошится. Бананы, опять же, помять легко. Кажется, Саломея не о том думает, но сосредоточиться не выходит.

– Будешь слушать меня – останешься жива, – сказали ей, застегивая наручники. Браслеты плотно сдавили запястья. И зачем так? Саломея не собирается бежать.

– Вы кто?

– А ты кто? – Он позволил ей развернуться.

Лет около пятидесяти. Сухощав. Подтянут. Жилист. Лоб высокий, с залысинами, а нос острый, крючковатый. Кожа с характерным зимним загаром.

– Далматов тебе кем приходится? – поинтересовался гость, убирая пистолет в кобуру.

– Никем, – честно ответила Саломея, подумывая, не пора ли звать на помощь.

Но кто придет? В квартире пусто. А соседи давно уже не вмешиваются в чужие дела.

– Никем, говоришь... Врешь! К тебе ведь приполз.

Это ровным счетом ничего не значит. Но человеку очень хочется верить в собственную теорию, и Саломея не станет мешать.

– А мы сейчас позвоним. Узнаем. Ты же не против? Хорошо, что не кричишь. Мне не хотелось бы делать больно такой милой девчушке.

Черный телефон с крупными кнопками. Громкая связь. Сигнал. Дозвон. Гудки. Длинные. Приходится ждать. Слышно, как урчит в трубах вода и соседи сверху двигают стул. Справа собака лает. Белая болонка, которая выходит гулять во двор одна, поэтому с болонкой Саломея знакома, а с хозяйкой – нет.

И если закричать, на помощь не придут.

Гудки оборвались. Далматов снял трубку.

– Привет, Илья, – сказал человек и, не получив ответа, добавил: – Это Родион, если не узнал. С тобой тут поговорить хотят.

Трубку сунули Саломее под ухо.

Не будет она говорить!

Ударили пальцами меж ребер. Предупредили:

– Не надо упрямиться.

А Саломея не упрямится. Ей просто совершенно нечего сказать.

– Я... дома уже. И тут он.

– Саломея?

– Я. Скажи ему, пусть уходит. Я спать хочу. Я устала от тебя и от него...

Трубку забрали.

– Слышал? Если девчонка нужна, приезжай за ней. А нет... справедливый размен. За мою жену.

И он отключился.

– Илья забрал вашу жену? – У Саломеи чесались нос и

пятки. И если нос получилось потерять о рукав пуховика, то избавиться от свербения в пятке было никак не возможно.

– Не забрал, деточка. Он ее убил.

– И вы убьете меня. Ну, просто, чтобы знать. Глаза у гостя серые, седые, как старый лед. И не понять, о чем он думает. Возможно, что и об убийстве.

– Нет, – наконец говорит он. – Я – не убийца. Наверное, этому следовало радоваться.

– Я отвезу тебя в одно место. А дальше – будет видно. Скажи, ты веришь, что демоны существуют?

Ехать пришлось в багажнике. На дно его Родион бросил спальный мешок, а сверху укрыл Саломею одеялом. Ноги связывать не стал, но рот заклеил широкой лентой, предупредив:

– Будешь дергаться – прибью.

На первое одеяло легло второе, укрывавшее и голову. Сразу стало пыльно дышать и в носу засвербело, но чихнуть при всем желании не вышло бы.

Саломея слышала, как Родион с кем-то еще разговаривал, громко, эмоционально, но сквозь шум мотора слов было не различить. Машина пробиралась по городским дорогам, подпрыгивая на колдобинах, сотрясаясь всем металлическим телом. И тогда Саломею подбрасывало. От лежания очень быстро начало болеть плечо. А потом рука вовсе занемела. Пахло бензином, сопревшим тряпьем и подкопченным

мясом. У самого носа перекатывались, сталкиваясь звонко, бутылки. Судя по звуку – пустые. И когда острое горлышко ударило в переносицу, Саломея очнулась.

Она в багажнике.

Она в багажнике какого-то психа, который решил, что Далматов убил его жену!

И ладно, пусть себе убил. Но Саломея при чем? Сами бы между собой и разбирались!

Саломея попыталась подняться, но стукнулась затылком о крышку и едва не прикусила язык. Перевернуться тоже не вышло. Зато омертвевшее плечо вдруг заныло...

Зверски захотелось в туалет.

Она убьет Далматова. Собственными руками.

Когда эти руки освободит.

Или хотя бы от скотча избавится. Саломея выгнулась и потерлась щекой о куртку, пытаясь отклеить ленту. Та держалась плотно. И кричать не покричишь. Надо было раньше. Не хотелось? Тогда терпи.

Машина ехала. Она выбралась из города, поскольку уличный шум стих. Мотор заработал иначе, и сам автомобиль пошел ровнее. Из салона доносилась музыка. Джаз.

Песня за песней. И время идет незаметно. Получается лечь на спину, а со спины – на другой бок перекатиться. Правда, одеяло съезжает. И холодно. Как же здесь холодно! Коченели ноги. И пальцы. И шея. Холод вползал под куртку, растекался по ребрам и забирался в легкие. В горле перши-

ло, в носу — хлюпало.

Звуки саксофона терзали нервы.

На что этот Родион рассчитывает? Что Далматов прилетит спасти Саломею? Смешно. Илье плевать на всех, кроме себя. Он появился потому, что нуждался в помощи. А больше не нуждается. Дура, если помогала. Идиотка несчастная.

Как есть несчастная, только поплакать осталось из жалости к себе да для пущего трагизма. Но лучше бы скотч снять. У Саломеи почти вышло. Она терлась и терлась о жесткую ткань коврика, о куртку, о какой-то картонный ящик, набитый железом, расцарапывая кожу и сдирая клейкий скотч. И когда почти получилось, музыка стихла. Потом и мотор замолчал, а машина остановилась.

Саломея слышала, как хлопнула дверь. Щелкнул замок. И крышка багажника поехала вверх. В лицо ударил ослепляющий желтый свет.

— Живая? — безо всякого интереса спросил Родион. — В туалет хочешь?

Еще как.

Но из багажника ее вытаскивали. Затекие ноги, безжизненные руки больше не слушались Саломею. И несколько минут она просто стояла, прислонившись к чужому джипу, глядя в темноту леса. А Родион содрал ленту и любезно предложил:

— Если хочешь поорать — ори.

— Обойдешься! — Собственный голос был сиплым, пред-

простудным.

– И то верно. Людей здесь нет. А ты крепкая. Повезло.

– Кому?

Он вытащил из кармана ключи и велел:

– Повернись.

Наручники сунул в карман. Не боится, значит, побега. А куда бежать? Черная лента трассы – разделительная полоса. По ту ее сторону – старые березы в серебряных шубах. Луна наполняет лес таинственным светом, и лиловые тени на снегу заставляют сердце стучать быстро-быстро. По эту сторону к самой дороге подбираются ели с острыми вершинами и массивными лапами. Пахнет хвоей. Ухает сова.

И разогнавшееся сердце замирает в ожидании удара.

– На, – Родион сунул фонарик. – Далеко не уходи. Решишь бежать – дело твое. До деревни – полсотни километров. Дойдешь, не дойдешь... мне, честно говоря, плевать.

Саломея как-то сразу ему поверила.

Сходить с трассы было жутковато. Хрустел наст. Ноги проваливались в сугробы. Снег забивался под джинсы и попадал в ботинки. Желтое пятно фонаря прыгало, выхватывая то крохотное деревце, замеченное по самую макушку, то острые пики кустарника, то тяжелый кольчужный ствол сосны.

Нет смысла уходить далеко.

Или все-таки попробовать? С Родиона и солгать станет-ся. А вдруг люди близко? Километр-два. Столько Саломея

пройдет. Но куда идти? В какую сторону? И что с ней будет, если Родион говорит правду?

Да понятно, что будет. Подснежник, тот самый, который найдут по весне.

Мерзко-то как.

К машине она все-таки вернулась. Родион стоял, опершись на капот, и курил.

– Я ведь могу на вас напасть, – сказала Саломея, сбивая с ботинок снег.

– И что?

Сизый дым растворялся, но запах табака пропитывал морозный воздух.

– Оружия при тебе нету, – пояснил Родион, роняя окурок. Он обошел Саломею и открыл заднюю дверь машины, вытащил пакет и термос. – А без оружия – справлюсь. И с оружием бы справился. Так что нападай, если хочешь. Но если чего сломаю – сама виновата будешь.

– А... если я вам сломаю?

Родион рассмеялся. Он хохотал громко, искренне и довольно-таки обидно. А отсмеявшись, протянул термос и пакет.

– Сломает... ты себя-то со стороны видела, ломальщица? Чем занимаешься? Кунг-фу? Карате? Кёкусинкай? Дзюдо? Это, милая, для самоуспокоения. Драться ты не умеешь, по глазам вижу. Поэтому лучше съешь бутерброд, и поедем. Нам еще далеко.

Бутерброды оказались с сыром и колбасой, удивительно вкусные, верно оттого, что в последний раз Саломея ела давно. Сладкий чай окончательно примирил с ситуацией.

– Вы не боитесь, что я на вас заявлю? Ну потом уже. В полицию.

– А ты сначала до нее доберись, до полиции.

Второй окурок отправился следом за первым. И Родион, раздавив оба, велел:

– Садись.

К счастью, обошлось без багажника. А вот наручники вернулись.

– Чтоб не дурила, – пояснил Родион, сам затягивая ремень безопасности. – А то мало ли.

– Ехать далеко?

– Не дальше края мира.

Темнота становилась кромешной, плотной. И машина взрезала ее светом фар, чтобы проникнуть в разрез прежде, чем он затянется. Плыла мелодия. Густой голос Армстронга заполнял неловкую паузу. И можно было бы закрыть глаза, но Саломея боялась, что если поддастся этой слабости, то вновь уснет. А если уснет – погибнет, потому что во сне все равно, что с тобой происходит.

– Как ее звали? Вашу жену?

– Вика. Виктория. Победа. Характер соответствовал. Если чего захочет, то добьется. Цель оправдывает средства, если понимаешь, о чем я.

– Понимаю.

– Вот, – он наклонился и открыл бардачок, вытащил бумажник. – Там фото. Глянь. Если интересно. И хорошо, что говоришь, а то я уже засыпаю... третьи сутки. На энергетиках. Та еще дрянь. Ты не подумай, что я полный псих. Я знаю, что делаю.

Саломея крепко в этом сомневалась, но на всякий случай кивнула.

Фото три на четыре. Темное пятно на светлом фоне. И рассмотреть не получается. Наверное, эта Виктория красива. И с характером. И вообще стоит того, чтобы из-за нее похищать человека.

– Почему вы думаете, что Далматов ее убил?

Опасный вопрос. Родион разозлится и... что? Вернет в багажник? Пристрелит? Вряд ли, он точно не сумасшедший.

– Я не думаю. Я знаю.

Быстрый взгляд. Вздых. Тон извиняющийся:

– Ты, конечно, вроде и ни при чем, но так уж получилось... терпи.

Терпит. Что ей еще остается?

– В общем, я ей говорил... предупреждал... но характер, – Родион забрал бумажник и затолкал в карман. – Если решила, то... Озеро Черное, не слышала?

– В России много Черных озер. И еще Чертовых.

– Ага... особенное. Увидишь сама. Оно и вправду черное. Не вода – деготь. Ну со стороны кажется. А зачерпнешь –

и вроде как вода обыкновенная. Не понятно. Я слышал, что такое бывает. В Якутии вот... собирался поехать. Вместе собирались. С Викушей. Готовились. А тут Далматов. И Черное озеро. Хотя нет, вру... все началось с Таськи. Анастасия. Викушина сестра.

Глава 4

О родственниках и кладах

Анастасию Родион не любил. И не то чтобы для этой нелюбви имелись объективные причины, скорее уж сложилось так, что сам вид этой женщины – назвать Анастасию девушкой язык не поворачивался – вызывал у него глухое раздражение.

Рыхлая, дебелая, она сидела на диетах, сменяя одну на другую, но набирая вес и страдая по этому поводу. Она красилась в блондинку, забывая вовремя подкрашивать корни, и те проглядывали черными проплешинами сквозь мертвые желтоватые волосы. Она носила короткие юбки и обтягивающие кофты, которые лишь подчеркивали несуразность фигуры.

И еще Таська завидовала Вике.

Эта зависть проскальзывала во взгляде, в случайных фразах, очаровательно-двусмысленных, и совершенно недвусмысленной неприязни к Родиону.

– Он – мужлан, – Таська говорила, не стесняясь быть подслушанной. Более того, Родион был уверен, что Таська желала, чтобы он услышал.

И оскорбился. Потребовал бы от Викуши порвать с сестрой... была бы ссора.

Слезы.

Расставание. И сладость чужой неудачи.

– Стервятница, – как-то сказал Родион, и Викуша не стала отрицать, ответила лишь:

– Она моя сестра. Я отвечаю за нее. И... ты слишком строг к ней. Ей просто не везет в жизни.

Работала Таська в музее, должность имела бессмысленную и малоодоходную, но при всем том работу свою искренне любила.

– Музей небольшой. Обыкновенный местный. Там военные письма, пара винтовок. Фляги. Каски. Чучела зверей. И объемные панорамы из пластилина. – Родион потер глаза, мотнул головой, стряхивая сон, и попросил: – Дай пить. Там, в бардачке, должно быть.

Две банки энергетика. Хватит ли доехать до упомянутого края мира?

– Может, следует передохнуть? Часик-другой? – предложила Саломея, не особо надеясь на то, что предложение будет принято.

– Нет. Потом.

Банку открыл и приник к отверстию, глотал жадно, а выпив, смял банку об колено и бросил на пол.

– Я все думал, чего она там целыми днями делает? А оказалось, что в музей перед войной архивы свезли... ну, когда отступление было. Эвакуация. Бумаги тоже эвакуировали. Довезли до нашего захолустья и спрятали в подвалах. А

забрать забыли. Других забот хватало. Ящики и стояли... некоторые сгнили. Плесень, опять же. Мыши. И кому охота ковыряться со старыми бумажками? Только тому, кому заняться больше нечем.

Таська ныряла в бумаги, как в море. Иногда, в нарушение всех правил и инструкций, она выносила из архивов серые папки с документами и волокла их к Викуше.

Вдвоем они запирались на кухне и вели долгие беседы, места в которых Родиону не оставалось. Он ревновал. Не столько к Таське, сколько к этим старым, пожухлым бумагам.

Незнакомым именам, ушедшим людям.

К тому, чего не в состоянии был изменить или даже понять. Для него, человека практичного, вся эта мистическая притягательность прошлого оставалась непонятна. Но Родион терпел. Ради Викуши.

А потом Таська нашла клад.

– Она пришла, вся такая... ну как человек, которого распирает от желания говорить, но он затыкает себе рот обеими руками. От меня, значит. Чтобы не узнал. Я и не хотел знать. Викуша рассказала. Она от меня ничего не скрывала.

Сказано было с вызовом. Саломея и не подумала возражать. Во-первых, она не была знакома с Викушей. Во-вторых, глупо возражать человеку, перебравшему энергетиков, если он за рулем и с пистолетом, а ты в наручниках и без

пистолета.

– Таська нашла клад...

– ...Таська нашла клад, – Викуша ходила по комнате, наматывая локон на палец. – Представляешь? Она все-таки нашла свой клад!

– Угу.

Родион читал. Он любил читать именно по вечерам, устроившись под дизайнерской семиглавой лампой, чей свет не раздражал глаза. И чтобы по правую руку, на кофейном столике, блюдо с мелкими конфетами, а на подоконнике – термос с чаем.

И кружка глиняная, привезенная некогда из Польши.

– Родька, ну я серьезно! – Викуша забрала книгу и, сунув нить-закладку меж страниц, бросила на пол. – Я знаю, что вы с Таськой не очень друг друга любите...

Мягко сказано.

– Но у нее получилось! Правда, она просила тебе не говорить.

– Так и не говори.

– А я скажу! – Викуша забралась на колени, обняла и поцеловала. – Какой же ты упрямый! И хмуришься, вечно хмуришься, как старичок... и еще бубнишь.

– И что за клад?

Правила игры требовали не сдаваться. И Родион старательно хмурился, притворяясь, что нет ему дела до Таськи-

ных сокровищ, которых наверняка не существует.

– Черное озеро!

Ни о чем не говорило, но блеск Викушиных глаз завораживал.

– Ну мы ездили туда в прошлом году! Помнишь?

Родион вспомнил. Черное блюдо воды, песчаные берега, чистые, гладкие. Волны накатывались на них и отступали, оставляя песок нетронутым. На берегах не росла трава. И деревья опасались приближаться к воде. Сумрачные ели, хилые березы, осины с серебристой корой... ощущение жути.

– Там есть остров. Точнее, несколько островов. На одном когда-то монастырь стоял, еще в петровские времена. А на другом верфи были, строили корабли на Ладогу.

Викуша говорила и гладила волосы, перебирала пряди, успокаивая прикосновениями. Все-таки у Родиона совершенно удивительная жена.

– Потом все исчезли. Не разрушилось, просто исчезло. И рабочие. И подрядчик. И купец, который привез пеньку. И монастырские.

– Сказка.

– Ага, – спокойно согласилась Викуша. – Я тоже так сказала. Но Таська ж упрямая... в общем, потом на Калмином камне маяк поставили. И домик смотрителя. Только года не прошло, как смотритель исчез. Другого послали, и он исчез. Вместе с семьей. А больше никто не захотел идти.

Вода в озере ледяная. Июльское солнце жарит, греет, но

прогревает лишь самый верхний, тонкий слой. А под ним – холод. Озеро питают подземные ключи. И горе тому, кто решит донырнуть до дна. Нету дна в Черном озере.

– Все забросили... до революции. А после решили зону устроить. Эков прислали. Из политических и кулаков. Некоторые с семьями. Таська нашла списки. Так вот, все они пропали в один год.

– Расстреляны.

– С охранниками вместе?

– Тогда бунт. И расстрел.

– Может, и так... закрыли верфи. А на Калмином камне восстановили дом. Зачем восстанавливать, если никто не живет? Таська считает, что там была секретная база. Считала, – поправилась Викуша. – Но все оказалось иначе...

– Письма, которые были написаны, но не отправлены. Они попали в архивы. А из архивов – к Таське. Я читал их. Не их, а ксерокопии. Таська в жизни не доверила бы мне оригиналы. И так психанула, что Викуша рассказала, правда, Викуша прямо ей заявила: если будет дело, то только со мной. Таська и согласилась. Ей-то денег взять неоткуда. Идеей же сыт не будешь. Если уж экспедицию, то нормальную, еда там, оборудование. Палатки... до хрена всего надо.

– То есть вы были спонсором?

– Точно. Спонсором. Приложением к Викуше. А она загорелась. Я еще поначалу пытался образумить... ну письма.

Там ничего такого не было! Так, обычный бабский треп. И только в одном месте, мол, находка огромной исторической ценности... что с того? Мало ли, что они там нашли? А Викуша уперлась рогом. Но я бы отговорил, да только объявился твой Далматов.

– Не мой.

– Вам виднее, чей... Таська в него с ходу вцепилась.

– Родион, познакомься, это Илья. – Она держала под руку, точно опасаясь, что бледный типчик с белыми волосами сбежит. На месте типчика Родион так бы и поступил, но сейчас он протянул руку и сказал:

– Здравсьте.

– Илья специалист по... истории.

– Далматов. – Рукопожатие типа оказалось крепким, жестким. Вот только рука неприятно холодная, возникло ощущение, что прикасаешься к змее.

А змей Родион боялся.

И этот подспудный страх заставил взглянуть на нового знакомого иными глазами. Невысокий. Худощавый. Жилистый. Держится свободно, хотя с Таськой под боком это сложно.

Волосы собраны в хвост. На носу – очки в прямоугольной оправе.

Левая рука недосчитывает пальцев.

Костюм хороший, шерстяной. Темный шелковый галстук.

Булавка с синим камнем. Запонки.

– И чем вы занимаетесь? – поинтересовался Родион, переводя взгляд на Таську. Она светилась. Сияла, что новогодняя елка.

– Да всем понемногу.

– И ничем конкретно?

– Ну, можно и так выразиться.

– Илья будет нам помогать. С поисками, – встряла Таська. И Родион подумал, что если ему и нужна помощь, то не от этого типа.

– Я хотя бы знаю, что мы ищем, – сказал Далматов.

Иголку в стоге сена, и еще не ясно, существует ли эта игла. А стог размером с остров. Полтора квадратных километра леса, сугробы и старый дом в анамнезе.

– Не обращай на него внимания, – Таська говорила, заглядывая Далматову в глаза, – он не верит. А это правда, Родечка! Правда! Вот увидишь!

– И увидели? – Дорога становится хуже. Асфальт исчез, и машина скользит по гравийке, спаянной льдом. Шуршат колеса, рокочет мотор. И движение выглядит бесконечным.

До Ладогои что-то около тысячи километров. Десять-двенадцать часов при хорошем раскладе. А дальше что? Ствол к затылку и прощальная пуля, если Далматов не появится? Демон?

В демонов Саломея не верила, а вот в людей – так вполне.

– Я уговаривал ее погодить до весны. Ну какие сокровища при минус тридцати? Но нет... кто слушает Родьку? Родька ведь глупый... Я бы не отпустил ее. Этих двоих – пожалуй-ста. Хоть на край света. Но Викуша сестричку не бросит... а клад до весны не дотерпит. Безумие какое-то.

– Золотая лихорадка.

– Скорее мозговая. – Он бросил косой взгляд и поинтересовался: – Руки не затекли? Могу ослабить, если надо.

– Лучше, если снять.

Это предложение Родион проигнорировал.

– Меня тоже зацепило. Вот сейчас хочу понять, как же оно так вышло, что и я влип. А ведь вышло! Влип! По самые уши. Бегал, как щенок, с раззявленной пастью.

Слюни ронял. Долю высчитывал... и ведь денег-то хватает. А тут... переклинило, в общем.

Бывает. В гонке за сокровищем не так уж важно сокровище. Главное – успеть раньше других.

– Что искали-то?

– Калмино серебро.

– На самом деле озеро Черное является частью Ладожского, точнее, оба входили в Анциловое озеро, правда, было это около десяти тысяч лет назад. Потом случился подъем суши. – Далматов рассказывал, глядя на Таську, которая таяла под этим взглядом.

Накрасилась. И стрижку сменила. А волосы не белые –

рыжие. И цвет Таське идет, как и новый свитер с широкой горловиной-хомутом. В мягких складках его Таськина длинная шея выглядит трогательно-беззащитной. И эта ее новая манера поглаживать горло...

– Черное озеро в разы меньше Ладоги, но в десятки раз интересней.

Карта местности – поле рисованного боя. И генералы от фантазии склонились над ним. Викуша села на край стола, закинула ногу за ногу, рисуясь. Неприятно.

Родион давил злую ревность.

Чужаку интересна Таська. Вернее, он притворяется, что Таська ему интересна. А та и рада верить.

– Про остров-Буян слышали? И про алатырь-камень?

– Сказки.

– В каждой сказке есть доля сказки, – парирует чужак, подавая Таське руку. – Остров Каменистый. Каменный. Каменка. Каменюки. Он же Калмин камень. Или Запретный. Там открывается вход в нижний мир, а сторожит его Калма.

– Финно-карельская мифология, – растолковывает Таська, не для всех – все уже в курсе, кроме Родиона. – Калма – богиня мертвых. Она ужасна. До того ужасна, что любой, кто взглянет в ее лицо, утрачивает разум...

Страшная история для черной ночи. С каждым словом чернота становится гуще, плотнее. Того и гляди навалится на машину и раздавит. Автомобиль трясет. Подбрасывает на ямах и колдобинах. Иногда в свете фар выскакивает белая

разделительная полоса, но тут же исчезает. Лес обрывается, сменяясь заснеженным полем. И вновь возникает лес.

– Он много говорил. Про финских ведьм, ходивших на остров кланяться Калме. Про жертвы, что ей приносили. Про монастырь, который вроде как построили, но он сгорел. Трижды его строили, и трижды он сгорал. Про то, что остров стали называть проклятым. И что при Петре уже на нем стали скрываться беглые люди... На верфях несладко приходилось. Беглые сбивались в ватаги и ходили купцов грабить. Брали все, и товар, и людей, только, когда повязали разбойников, выяснилось, что нету при них ни грошика. Все Калме отдали...

Родион набирает скорость. И стрелка спидометра переваливает за отметку сто двадцать. Тряска исчезает. Машина летит по обледеневшей дороге.

Страшно.

– Их порубили на куски там же, на острове. А тела оставили. Для волков. С тех пор, значит, волки там и обитают... а заодно и терем поставили для боярина Скуфьи, который разбойничков-то и побил. Поставили. Прожил боярин год, да и пропал вместе со всей дворней. И верфи на соседнем островке обезлюдели... потом уже и с маяком история приключилась. Я ведь говорил. Помнишь?

– Помню. Вы на дорогу смотрите.

– Страшно? Не бойся. Я хорошо с машиной управляюсь. А вот с Викушей – не очень. Но она живая. С живыми всегда

сложнее.

В этот миг лицо Родиона становится странным, застывшим, с совершенно безумными глазами.

Он ли стрелял в Далматова? У него «ТТ».

– Гражданская. Советско-финляндская. Великая Отечественная. Но в зазоре – экспедиция. Изучение культурного наследия финно-угорских племен. Кажется, так. Или нет? Ты у него спроси.

– Спрошу, будьте уверены.

Родион не услышал.

– Копали, значит. И раскопали. Древнее захоронение. Кости там. Вещи. Украшения... Он фото показывал. Черно-белое. Но видно, что красиво. Узоры там всякие... завитушки. Колокольчики. Еще была такая штука, которую на груди носят. И серьги. И кольца. Много чего. Я серп запомнил. Все темное, от старости, а он белый совсем. Гладкий. Острый даже на вид. Калма серпом срезала человеческие жизни. И знаешь, я почти поверил, что такое возможно...

Лес расступается, а дорога и вовсе исчезает. Она – белое на белом снегу, широкая полоса берега, вытянувшаяся вдоль черной воды. Луна не отражается в ней. И кажется, не озеро – огромная яма, колодец до самого центра земли, распахнувшийся, готовый проглотить все, до чего дотянется.

– Фотки и список – из архива Рериха. И больше к ним ничего. Далматов твой копал. Искал. Не нашел. А Таська вдруг наткнулась. Была, значит, экспедиция. И раскопали они мо-

гилку... а вывезти раскопанное не сумели. Война. Или не война. Тоже ведь без следа...

Он сбрасывает скорость резко, и Саломею кидает на лобовое стекло. Ремень безопасности впивается в тело. Визжат колеса. Автомобиль закручивает.

Смеется Родион, выворачивая руль.

Черный зверь озера прыгает и ударяет водой по машине. Сквозь дверь проникает запах тлена и рыбы. Колеса вязнут в иле.

Становится тихо.

– Ну, – Родион выдирает ключи из замка зажигания, – приехали. То есть почти уже.

Последняя банка энергетика остается на водительском сиденье.

Глава 5

Догонялки

Эта книга памяти стоит на самом краю полки. Она тонкая в мягкой обложке, которая со временем затвердеет, чтобы надежно защитить содержимое.

Озеро Черное. Северный ветер, который гонит мелкую волну. Пуховик продувает насквозь. Уши мерзнут, пальцы цепенеют. Лица людей красны, особенно Таськино.

Она держится рядом.

Хватает за руку, заглядывает в глаза. Ее духи столь же навязчивы. Но Далматов терпит.

– Я думаю, что они так и не выбрались с острова, – повторяет Таська в десятый раз. – И значит, все там.

Она приподнимается на цыпочки, вытягивает шею, замotanную красным шарфом, и пялится в горизонт. Остров там. Калмин камень. Проклятое место.

Лодки стаскивают на воду. Их колышет. Пластиковые корпуса вдруг кажутся ненадежными, но принимают ящик за ящиком. Человека за человеком.

Родион и Виктория. Она – красива и беззаботна, он – старше на двадцать лет. Стесняется своего возраста и того, что имеет деньги. Характер вспыльчивый. И недоверчивый.

Таська с ее перчатками из ангоры, лыжной шапочкой и длинной нелепой курткой. Таська надеется на роман, но у

Далматова нет настроения заводить романы.

– Оба-на! А связи-то нету! Егор, слышал? Нету связи! – Юрась трясет бесполезным телефоном и едва не роняет его в стылую воду. Егор кивает.

Егор и Юрась. Парочка студентов. Рабочая сила.

Далматов.

– И все-таки стоило подождать до весны. – Родион подымает воротник дубленки, поворачивается к ветру спиной. – Это безумие – лезть туда сейчас.

– Но мы же ходили в горы! В горах была зима! – Обняв супруга, Викуша поправляет шарфик. – И вообще, не ворчи, как старик.

И Родион сдается.

Лодки идут по воде. Режут винтами Черное озеро, и то, спеша избавиться от незваных гостей, подталкивает суденышки к берегу. Остров небольшой. Его каменистая поверхность раскалывается хлебной коркой, и многочисленные овраги собирают воду, наполняясь жирным перегноем. На базальтовых ребрах растут ели. Они же мохнатым зеленым стадом окружают дом, отделяя его от старого маяка.

Почерневшая башня видна издали.

Лодки подходят к ней, к старой пристани. Доски прогнили насквозь, и Юрась указывает на пологий берег. Егор поднимает руку, дескать, понял.

Пришлось прыгать в воду. Дно озера подымалось, сохраняя толстую подушку ила. И тот облеплял сапоги, утяжеляя

их.

До берега пять шагов. Веревки хватило. Вытащив и разгрузив лодки, их укрыли брезентовыми чехлами. Неподалеку виднелся сарай, но он был столь же древний, как и пристань.

– Если дом в таком же состоянии, то мы отступим. – Ветер расправлял плащ-палатку Родиона, бессильный стянуть этот кусок прорезиненного брезента.

Викуша ничего не сказала. Таська поджала губы:

– Отступай. Мы и сами справимся.

Несомненно. Ты да я, да мы с тобой. Романтическое уединение и клад для двоих.

Далматов закинул на плечо рюкзак и двинулся в глубь острова.

Дорога вихляла. То в гору, то в разлом, то снова в гору. Поваленные ели прятались под слежавшимся снегом. И наружу торчали лишь корни, черные, узловатые.

– Он много на себя берет. – Таська пристроилась рядом. – Вечно считает себя самым умным.

Гудел ветер.

– Помолчи. Пожалуйста.

Она смолкла, а потом отстала, нарочно ли, случайно – Далматов не знал. Но к дому он вышел один.

Лес вдруг сменился полем, неестественно белым, гладким. Снег сверкал на тусклом солнце, лепил, и Далматов поспешно надел солнечные очки. Сквозь призмы стекол мир

изменился, словно сдвинулся в область желто-бурых старых фото. Каменный дом. Два этажа. Окна, закрытые ставнями. Крыша с плотной черепицей, на которой начали прорастать березы. Тонкие и белые, они покачивались на ветру, махали людям ветвями. Широкое крыльцо с резными столбиками. Не сгнили, наоборот, выглядят так, будто лишь вчера сделаны. И дверь крепка. Амбарный замок на ней только слегка тронут ржавчиной.

– Прикольно! – Юрась скинул рюкзак на землю и потер плечо. – Я думал, что тут трындец полный. А оно ништяк.

Юрась бледный. Даже на морозе кожа его не розовеет, но приобретает желтоватый оттенок старого жира. Лоб и нос лоснятся, а губы он постоянно облизывает, отчего они трескаются.

– Некоторые места имеют обыкновение хорошо сохраняться.

Далматов не стал добавлять, что в большинстве случаев предпочитает обходить такие места стороной. Да и плевать было Юрасю. Он уже шел вдоль стены, трогал ставни, пытаясь оторвать, заглянуть под деревянные щиты.

Дверь ломали. Внутри дома пахло сыростью и плесенью. Доски пола рассохлись, а в окнах имелись щели, которые когда-то забивали ватой и мхом, но теперь и то и другое выпало.

Исправится.

– Мне здесь не нравится, – сказал Родион, выпутываясь из

плащ-палатки. Он вдохнул сырой воздух и выдохнул шумно, через рот. – Мне точно здесь не нравится.

– А по-моему, мило. Смотри, какая прелесть! Я ее домой заберу.

Викуша сняла с печки фарфоровую гончую и поцеловала в пропыленный нос.

Пыли мало. Грязи вовсе нет. Но газеты под печкой старые. И книги с выдранными страницами, которые использовали на растопку.

Шкафы. Чужие вещи.

Далматов не может отделаться от ощущения неправильности.

– Чур, моя комната тут! – крикнула Таська, перевешиваясь через перила. – Вик, поднимайся.

Викушу не надо было уговаривать. За ней хвостом потянулся Юрась, а вот Егор остался у печки. Он сел на корточки, широко расставив колени, и принялся заталкивать рванные страницы в черный зев.

Потолок закрипел, захрустел. Посыпалась побелка.

– Доволен? – Родион щелчком сбил кусок мела.

– Чем? – тихо поинтересовался Далматов, но ответа не получил.

– Если ты втянул Викушу в какое-то дерьмо, то десять раз пожалеешь об этом.

Детская угроза. Во всяком случае, тогда она казалась детской.

Далматов знал, что опаздывает. Он спешил, но все равно опаздывал.

К Черному озеру. К лиловому рассвету. К Саломее, которая до недавнего времени жила исключительно на полках книг памяти. Илья благоразумно их не касался, пока ему не оставили выбора.

Джип, замызганный грязью, стоял в воде. И мелкое ледяное крошево налипло на колеса. Из снежной шапки торчала антенна, и старый ворон пытался отломить ее у основания.

– Кыш пошел, – сказал Илья ворону.

Птица раззявила клюв, но не издала ни звука. Зато слева раздались гулкие удары.

– Ну надо же, все-таки приехал! – Родион сидел на камне и рукоятью пистолета сбивал желтые кусты лишайника. – А мы сомневались. Ну, она сомневалась. Я-то надеялся.

– Где Саломея?

Опасно стучалось в виски запределье. Чуть поддашься – прорвется.

– Там! – махнул рукой Родион.

Безветренно. И солнце высоко висит. Черные воды озера глотают свет. И на самой границе неба и воды проступает мутное пятно острова.

– А если бы я не приехал?

– Приехал же. – Родион указал на пистолет: – Убери. Ты выстрелишь. Я выстрелю. Два трупа. И третий на острове.

Кому это надо?

– И что ты хочешь?

– Сложный вопрос... Викушу найти... вернуть все, как было. Или хотя бы понять, что произошло. Кто виноват – вечный вопрос. Лодка ждет, Илья. Ну и выбор за тобой.

Он первый убрал пистолет и, поднявшись, неторопливым шагом направился к машине. Сел. Завел. Выбрался на берег – от колес остались широкие колеи, которые заполнились черной водой.

– Лодка там, дальше, – Родион указал на восток. – И это... полчасика будет, так что поторопись. А я загляну через пару деньков... Удачи тебе.

Пригодится.

Лес проглатывает автомобиль и дорогу. И остается лишь озеро, лодка, машина и бесполезный телефон, который Илья прячет во внутренний карман куртки. Сумка, собранная наспех. И пистолет Лепажа, чья пара потерялась где-то во времени.

Переносить вещи в лодку неудобно. Плечо ноет, пилит, ощущение такое, что рука вот-вот отвалится. Терпи, Далматов. Сам виноват. Не надо было ее втягивать.

И вообще вспоминать.

Лодка соскальзывает в воду и качается на волнах. Мотор заводится с полоборота, и холодные брызги тают в кильватере. Нос разрезает озерную гладь. Темное пятно приближается.

Уходят отведенные Родионом полчаса.

Берег возникает плотной стеной ельника и гранитным срезом, полосатым, как окаменевшая тигриная шкура. Лодка вязнет, не добравшись до берега. Борта возвышаются над водой сантиметров на пять, и можно поздравить себя с очередной удачей: до пристани всего ничего.

Спрыгивать приходится в ледяную воду.

И тина расплзается. Хлюпает волна, размазываясь о берег. Скрипят доски древней пристани. На них, черных, свежим клеймом выделяется слово: «Калма».

Саломея была на берегу. Стояла, обнимая осклизлый столб, и выглядела вполне живой. На соседнем столбе, под широкой полосой скотча, виднелся ключ от наручников.

– Я тебя убью, – пообещала Саломея и потерлась о столб носом. – Далматов, я не знаю, куда ты влез, но я тебя самостоятельно убью.

– Я тоже рад тебя видеть.

Скотч разматывался с треском, и ключ выскользнул, звякнул о щелястый настил. Было бы печально, если бы ушел под доски.

Щелкнул замок. Раскрылись наручники. Саломея, освободившись, вздохнула тяжело и отвесила звонкую оплеуху.

– Ты... ты во что меня втянул?

– Я ведь пришел...

– Ну да. Пришел. Явился. И тут же до свидания. А мне

теперь... меня теперь... нас теперь... И знаешь что?

– Нет. – Далматов потрогал щеку, которая горела.

– Иди ты на...

Последние слова Саломеи заглушил взрыв. Рыжий ком пламени взметнулся над водой, пролетел и, достигнув берега, иссяк. Вода брызнула в разные стороны, ударная волна опрокинулась на прибрежные камни, и свистнула шрапнель из грязи.

С грохотом обвалился столб.

Родион был весьма последовательным психопатом.

– Эй, ты жива? – поинтересовался Далматов, подымаясь.

Саломея кивнула. Она сидела в грязи и задумчиво выбирала из волос комки тины:

– Сейчас я тебя ненавижу еще больше.

Глава 6

Дом, в котором никто не живет

Злиться на Далматова не получалось.

Он ведь пришел. Саломея сомневалась, что придет. Вернее, была совершенно уверена, что он не придет. И пыталась доказать это Родиону, но тот, потеряв всякий интерес к переговорам, просто велел заткнуться.

А потом пристегнул Саломею к столбу и уехал.

Было страшно.

Было настолько страшно, как никогда прежде, хотя Саломея казалось, что уж она-то знает о страхе все.

Не угадала.

Тишина. Потрескивание древесных стволов на морозе. Холодные челюсти наручников, и металл ощущается сквозь куртку и свитер. От столба воняет тиной и тленом. Озеро катит темные воды, волну за волной, трогая доски старого настила.

И там, в черных глубинах, таится нечто. Оно следит за Саломеей. Примеряется.

Печальна участь Андромеды, которая осталась без Персея. Наступит ночь, и чудовище выйдет на берег, чтобы сожрать жертву.

Романтично в мифах, но до тошноты жутко в реальной жизни. Правда, потом Саломея прикинула, что до ночи не

продержится – замерзнет. Холод пробирался сквозь обувь и одежду, обжигая стопы и руки. Скоро ее лицо покроется ледяной коркой. И волосы тоже. Ледяная статуя памятником собственной глупости.

Она дергалась, скребла цепочкой столб, понимая, что и за год его не перетрет, но не могла остановиться. От злости и бессилия хотелось выть.

А когда донесся рокот мотора, Саломея и вправду едва не расплакалась.

Потом был взрыв. И грязь на джинсах, в волосах и на губах, кажется, тоже.

– На острове есть дом. Правда, там не безопасно, – сказал Далматов. Руку подать он не подумал, извиниться тоже. – Но здесь ты точно замерзнешь.

Уже почти. Пальцы не гнутся, уши как стеклянные. И дышать больно.

– Сумку возьми, – он потрогал плечо и поморщился. – Пожалуйста.

Дом стоял на возвышении. Белое покрывало снега хранило множество следов, в основном птичьих, но попадались и звериные. Особенно крупные – волчьи? – дугой огибали здание, исчезая в лесу. Дверь была не заперта. Амбарный замок с сорванной дужкой лежал на ступенях и успел примерзнуть. Длинные ледяные хвосты свисали с подоконников и крыльца.

– Печка пашет. Лампы есть. Керосин тоже. Мы много привезли, – произнес Илья. Он шел молча, сгорбившись и подерживая левую руку правой. Из кармана куртки выглядывала рукоять пистолета, того самого, нарядного, дуэльного и бесполезного при встрече с волками.

Если неприятности ограничатся исключительно волками. Далматов налег на дверь, и та сдвинулась. Протяжно закрипели петли. Саломея невольно вздрогнула. Чего она ждала? Очередного взрыва? Маньяка с ножом? Трупов?

Не тишины. Гулкой. Опасной. Каждый звук на ней – трещина.

Не следов на полу, багряных, но вряд ли оставленных краской.

Не записки, приколотой к столу ножом.

«Добро пожаловать».

Буквы вырезаны и наклеены. Аккуратно, бережно. С любовью, можно сказать. Но Далматов хмур. И записку комкает, вымещая злость.

Саломея прислушалась к дому. Прогибаются под собственной тяжестью доски. Беззвучно распадаются проржавевые гвозди. Гудит скала, раздраженная морозами.

И далеко-далеко воют волки.

– Здесь нет никого. – Она стряхнула звуки запредельного мира, такого обманчиво далекого. – Кто бы тут ни был, он ушел.

– Или она.

Далматов указал на стул рядом с печкой. И Саломея не стала спорить. Она села и сумку поставила рядом, надеясь, что бежать все же не придется. Некуда бежать. Снаружи смеркается. Зимой день короткий. Сумерки спешат выкрасть остров лиловым, гонят морозы. Ветер заводит колыбельную для волчьей стаи...

Илья исследует дом. Обширные сени. Кладовая. Лестница. Первый этаж и второй. Поскрипывают доски, роняют меловую пыльцу штукатурки. Как же все-таки холодно...

Саломея подула на покрасневшие пальцы, но не ощутила собственного дыхания.

Снаружи они точно замерзнут. Или только она. Зима – подходящее время для Далматова.

– Действительно никого.

Он появляется из бокового коридорчика, прежде Саломея не замеченного, и выглядит растерянным.

До темноты получилось растопить печь. Изразцовая стена ее нагревалась медленно, а Саломея оттаивала и того медленнее. Она сидела, прижимаясь к печи руками и спиной, думая лишь о том, что еще немного – и заснет.

Если заснет, то не проснется до весны.

Тогда ее убьют.

Далматов поставил на проржавелую плиту кастрюльку. Вместо воды – снег. И тает он медленно, с шипением скатываясь с алюминиевых стенок. Урчит огонь.

Убаюкивает.

– Спасибо, – Саломея заставила себя открыть глаза.

– За что?

– За то, что все-таки пришел.

– Пожалуйста. Ты макароны есть будешь? С тушенкой?

Правда, повар из меня хреновый, но... еда согреет.

Таранный удар ветра обрушился на стену. Задребезжали стекла. Огонь в печи притих, но загудел, заворчал, распалаясь. И вода в кастрюльке закипела. Макароны. Тушенка. Еда – это уже хорошо. И крыша над головой. А главное, что Саломея жива. Хорошо бы живой и остаться.

А разговор не ладился.

– Как плечо?

– Терпимо.

Слова – теннисный мячик, который перебрасывают по привычке и еще заполняя неловкие паузы.

– Тебя перевязать надо будет. Есть чем?

– Есть. Потом. Со мной все нормально.

Ну да. Конечно.

Саломея оттеснила Далматова от плиты. Ей хотелось прижать руки к раскалившемуся докрасна железу или, еще лучше, сунуть в полукруглый зев топки, чтобы пальцы наконец растаяли. И ноги тогда отойдут. Уже отходят – в ступнях покалывание. Тысячи мурашек бегут к коленям. Тысячи муравьиных укусов причиняют боль.

Перетерпится – перемолется. Так сказала бы бабушка. И еще добавила бы, что нечего на зеркало пенять, коли рожа

крива. И раз взялась помогать, то надо до конца.

– Где твои макароны?

Илья указал на древний шкаф с кракелюрами на дверцах. Заглянув внутрь, Саломея выяснила, что голодная смерть в ближайшие месяцы им не грозит. На полках шкафа стояли упаковки с овсяными хлопьями, рисом, гречкой и макаронами. Выстроились банки тушенки, овощных и рыбных консервов. Имелись среди запасов чай, кофе и даже ананасовый компот.

И компот окончательно примирил Саломею с жизнью.

А получасом позже и ужин подоспел. Ели из кастрюли, зачерпывая просверленными алюминиевыми ложками, на черенках которых сохранились лаковые номера. И в этом сидении на крохотной кухоньке, когда в печке горит огонь, а за стеной выписывает вензеля метель, было что-то волшебное.

Наверное, еда.

Облизав ложку, Саломея велела:

– А теперь рассказывай. Начни с того, какого лешего ты сюда поперся в январе? До весны подождать не мог?

– Не мог.

Объясняться Далматов не станет.

– Она все равно не усидела бы.

– Таська?

– Да. Ты просто не видела ее.

И вряд ли, подозревала Саломея, увидит.

– Да и какая разница, когда? Мы палатки взяли, на случай,

если дом совсем развалюха. А он, как видишь, – Далматов постучал ладонью по стене и скривился.

Болит, наверное. Саломея не будет спрашивать.

И сочувствовать тоже.

Вслух, во всяком случае.

– Так что вполне с комфортом устроились. Не было задачи землю рыть. Все уже и без нас вырыто. Оставалось найти, где оно лежит. А остров небольшой... казалось, что небольшой. Мы провели здесь неделю. Не скажу, что была лучшая неделя в моей жизни.

Вымученная улыбка и палец, прижатый к губам. Тишина. Огонь догорает. Чайник ворчит, готовый закипеть. Воеет ветер. И кто-то ходит. Не на втором этаже – выше.

Выше только крыша с тонкими березами и снежной шубой.

– Мерещится... всякое, – сказал Далматов, выбираясь из-за стола. – Здесь много чего мерещится. У нас сломался металлоискатель. И сыр закончился. А Викуша мяса не ела. Она вообще почти ничего не ела. Родион и отправился на Большую землю. Перевяжешь? В сумке бинт. И остальное.

Нынешний короб из светлого дерева был меньше по размеру, но вполне вмещал две дюжины склянок, банку из-под крема «Гарньер», содержимое которой было серым и на редкость вонючим, упаковку стерильных бинтов, явно нестерильные ножницы, ножи и пинцеты.

– В следующий раз отправляйся в больницу, ладно? – по-

просила Саломею.

Далматов кивнул:

– Я не знаю, почему к тебе поехал. Не соображал ничего.

Стянув куртку и свитер, он разложил одежду на печи.

– Родион уехал утром. Часов в семь. К вечеру должен был вернуться, но не вернулся. Я подумал, что просто не успел. Да и плевать, честно говоря. Достало уже все. Здесь тысяча нор. Пещеры, пещеры... не остров – кусок сыра. И главное, что никаких следов раскопа. Я собирался сваливать. Решил, что пустышка. И к себе убрался, чтобы вещи сложить. Да и... видеть никого не хотелось.

Майка присохла к бинту, а тот – к коже. Бурая корка, которая держится лишь чудом. Рана почернела, словно ее прижгли.

– А ночью проснулся. Бывает ведь, когда просыпаешься просто так. И понимаешь, что надо бежать. Инстинкт самосохранения. Прямой контакт.

Саломея кивнула, хотя Далматов и не мог ее видеть.

– У тебя руки совсем холодные, – сказал он. – Перемерзла?

– Наверное.

– Отогреем. Я оделся. Вышел из комнаты. Таська сидела на ступеньках. И Юрась с нею. Обнимаются, прижимаются друг к другу. Но мертвые. Я пытался нащупать пульс. Пусто. Викуша в гостиной была. И Егор тоже. Раздельно, но вместе. Ее в кресло за стол усадили, над книгой. А он лежал на ку-

шетке.

– Тоже мертвые?

Илья подал банку с мазью и бинт. Попросил:

– Перехвати покрепче. И да, мертвые. Пульса, во всяком случае, не было. Их накачали. Чем – не знаю. Возможно, чем-то из моего...

– И ты сбежал?

Мазь застывает быстро, как цемент. И бинт прилипает. Но Саломея все равно приклеивает его широкими полосками медицинского пластыря.

– Думаешь, следовало остаться?

– Нет.

Его бы тогда убили. Это плохо. Или хорошо? Саломея осталась бы дома. Зимняя спячка, редкие походы в магазин и ожидание весны, когда солнце растревожит веснушки. И даже потом, весной, она вряд ли узнала бы, что Далматов умер.

Странно это.

Вот он, морщась, натягивает свитер, трет шею и плечо, как будто желает успокоить боль. И снимает закипевший чайник, разливает по мутным стаканам воду.

Роется в сундуке, выбирая нужные склянки. Вода окрашивается в бурый колер...

Здесь и сейчас – реальность. А то, что могло бы быть... не случилось оно.

– А кто убрал тела? – Саломея подает подстаканники, латунные, с профилем Ленина. Далматов кивает, не то благо-

дарность, не то просто знак, что все правильно.

– Родион и убрал.

Родион? Он отправился за Далматовым если не на край света, то почти. И заставил вернуться на остров. Он рассказывал про жену, которую любил, совершенно искренне. И горевал о ней.

Он бросил Саломею, пристегнутую к столбу, замерзать.

– Я думаю, что он вернулся, как и планировал. Или вообще не уезжал. Он дождался, когда в доме никого не останется... мы же уходили искать клад. Ты пей давай. Не бойся, не отравя. Чтобы согреться. И от простуды тоже.

Жидкость в стакане не была чаем, вкус имела горьковато-кислый и по-винному терпкий. И Саломея никак не могла понять, чем же она пахнет: ромашка... или чабрец... или что-то цветочное, легкое. Эта легкость распространялась по крови, вытесняя холод. И боль в ногах утихла, а ладони и пальцы порозовели.

– Так что технически все просто. Зайти в дом. Открыть кастрюлю. Сыпануть отравы. Готовили-то с утра, чтобы потом по-быстрому разогреть, и все. Идеальный вариант...

– Но ты проснулся?

Прозвучало как обвинение, но Саломея никого не обвиняет. Ей просто надо понять, что случилось.

– Мне и в норме доза нужна побольше, чем другим. А еще я почти не ел.

– Отчего же?

Уже не обвинение – допрос. И странно, что Далматов терпит.

– Аппетит пропал. Таська... она неверно оценила мое к ней отношение. В результате – инцидент. Неприятный для нее. И скандал. Неприятный для меня. Еще один повод убраться. Жаль, не успел вовремя.

Недоговаривает он чего-то. Саломея не торопит. У нее есть время. У них обоих чертова уйма времени. Зимняя романтика необитаемого острова.

– Ну ладно, – Илья сдается. – Я ее ударил. Накатило. Попросил убраться. Она разозлилась. Начала орать, что я ее использую... Сорвало, короче.

Он дергает шеей и поджимает подбородок ладонью, оставляя на щеке красные отпечатки пальцев.

– Нос в кровь. Губы разбил. Викуша в крик. Таська – в слезы. Какой, на фиг, ужин? Повезло. Странное у меня впечатление, однако.

– Не только у тебя.

Глава 7

О знакомых старых и новых

Ночевать решили в старой комнате Далматова. Там все осталось по-прежнему. Четыре стены с истлевшими обоями. Печная труба, выступающая из угла. Кровать с продавленной решеткой. Старый матрац, отсыревший за годы. Аккуратный сверток спальника. Шкаф. Сумка. Вещи, разложенные по полкам. И ящик со стеклом.

Кто-то вылил все настойки, вымыл склянки и расставил их в прежнем порядке. Следовало бы поблагодарить за такую заботу, но Далматов лишь выругался.

Очередное невезучее везение.

– А ты уверен, что это Родион? – Саломея проверила окно, с виду надежно запертое. Она ощупала запоры, но потом все равно задвинула внутренние ставни и сунула между бронзовыми ручками старый лом. – Зачем ему? Он жену любил.

– Он – да.

– А она – нет?

Засов на двери слабый, с полпинка откроется. Надо придвинуть что-нибудь тяжелое. Шкаф? Не выйдет. Массивную тумбу на съеденных плесенью ножках? Или выбрать вариант попроще, вроде швабры, забитой между ручкой и косяком.

– Викуша его использовала. Любила ли при этом? Не знаю. Я не слишком понимаю в любви.

– Странно, с чего бы...

– Все слишком нарочито. Поцелуи при всех. Объятия.

Признания горячие.

– Далматов, – Саломея раскатала спальник и, сев, принялась стягивать ботинки, – некоторые люди способны проявлять эмоции. Понимаешь?

Он понимал и не знал, как объяснить то ощущение фальши, которое возникало при этих сценах. Нет, Вика не переигрывала, но... врала. Определенно врала. Вопрос, кому: Родиону, себе или всем остальным?

– И остальные вполне могли быть живы. – Саломея отодвинула ботинки к печи, которая еще сохраняла тепло. – Или кто-то один, тот, кто устроил для тебя представление.

Кто?

Вспоминай, Далматов.

Таська с разбитым лицом. Илья не хотел, чтобы так получилось. Он просил ее уйти, чувствуя, как накатывает знакомая удушающая ярость. А она не слушала, все говорила и говорила, спрашивала о чем-то. Расплакалась. Кричать стала.

Он ей что-то обещал.

Что именно? Явно не любовь до гроба. Далматов не дает невыполнимых обещаний.

Крови было прилично. Из носа и губ, но больше из носа. Свитер залила. Викуша визжала, выставив скрюченные пальцы с длинными алыми коготками. А Юрась удерживал ее за локоть. Не удерживал – придерживал, лишь обозначая

касание пальцами.

Егор бубнил, стоя в углу, что все устали и нервничают. Таська плакала навзрыд...

– Чтобы завтра тебя... чтобы тебя завтра здесь не было! – взвизгнула Викуша, стряхивая Юраськину руку. – Слышал, урод?

Илья еще подумал, что вариант не из худших.

Но вот когда и почему он решил, что все мертвы?

– Спать ложись, – сказала Саломея, забираясь в спальник. – Завтра додумаешь. Додумаем.

Темнота не была крошечной, но плотной, как вода. И как в воде, в ней разносились звуки. Чьи-то шаги на чердаке. Ветер, трущийся о стены дома. Волчий вой. И дыхание Саломеи, спокойное, размеренное. Спит? Притворяется спящей, избавляясь тем самым от необходимости разговаривать с ним?

Она подвигается, уступая место. И прижимается узкой спиной. Правильно: вдвоем теплее. Если не сейчас, то под утро, когда печь растеряет последние крохи тепла.

– Будешь приставать – ударю, – сонным голосом предупреждает Саломея.

– Не буду. У меня плечо болит.

Она кивает и проваливается в сон, позволяя обнять себя. От рыжих волос пахнет озерной тиной и бензином. Ей, наверное, было страшно. Почему Илье не плевать, что ей было страшно?

Зачем он вообще вернулся сюда?

Саломея спросит. И надо бы придумать ответ, но Далматову не думается. Более того, он странно счастлив, пусть для счастья этого не место и не время. Оно вообще обманчиво, счастье.

Илья закрывает глаза. Он считает до сотни, потом до тысячи, но все-таки сбивается со счета и засыпает. Сон спокоен.

В нем много солнца, которое не вызывает мигрени.

– Эй, – что-то мягкое касается носа, щекоча, – просыпайся. У нас гости.

Илья не желает гостей и просыпаться. Ему все еще хорошо.

– Просыпайся...

Просыпается. Уже почти. Сейчас.

Солнечный свет пробивается сквозь веки, и сон, такой хороший, но уже забытый, исчезает.

– У нас гости, – повторяет Саломея. – Чай пьют. У них, к слову, вкусный чай. Если соизволишь спуститься, то и тебе нальют.

Какие, к лешему, гости?

Их было двое.

Блондинка в голубом лыжном костюме и меховой курточке с объемным капюшоном. Мех был розовым, блондинка – округлой и подтянутой. Она сидела на табуретке и любовалась собой в крохотное зеркальце.

Зеркальце пускало солнечных зайчиков, в основном на хмурого бородатого типа, возившегося с камерой. Он-то и заметил Далматова.

– Здрасьте, – буркнул тип и склонился над широким мутным объективом.

– Ой! Здравствуйте! А вы уже проснулись? Мелли сказала, что вы спите. И вам надо отдохнуть. – Зеркало исчезло в меховом кармашке, а блондинка вскочила и попыталась обнять Далматова. – Это я ее решила называть так. Саломея – неудобно. А Мелли – это так миленько! У вас борода растет! Как у Толика. Вонять потом станет. Но это потому, что Толик курит.

Курносенький носик сморщился, а бровки сдвинулись, выражая крайнюю степень негодования Толиком. Он же махнул рукой, дескать, отстань.

– А я – Зоя. Это означает – жизнь. Мне имя сначала ужасно не нравилось. Хотела даже поменять.

Она взяла Далматова за руки.

Теплые пальчики в обрезанных перчатках. Аккуратные ноготки, разрисованные незабудками. Пластиковое дутое колечко со стразами.

– Все выбирала и выбирала... ничего не выбрала. А потом подумала, что если так, то лучше оставить, как есть. Понимаете?

Нежный овал лица. Пухлые губы, аккуратные брови. Очи синие. И золотистые локоны. Зоя хороша собой. Пожалуй,

слишком уж хороша.

– А вас как звать?

– Илья, – ответила за него Саломея. И Зоины пальчики разжались, а носик дернулся, как будто это вмешательство в разговор совершенно Зою не обрадовало. Но она смирилась, улыбнулась, демонстрируя хорошие ровные зубы, и задала следующий вопрос:

– А вы вместе, да?

– Нет! – Саломея сунула пятерню в растрепанные волосы. Рыжая-бесстыжая.

– Это замечательно! Знаете, мои подруги на меня обижаются. Ну, когда они приходят с парнем, а тут я. Но я же не виновата, что я лучше! А он всегда такой бука, да? Это из-за мяса. Я читала, что если есть много мяса, то человек становится злым. Вы здесь давно, да? Я тоже читала про остров. Про мужика, который там сидел, сидел и совсем свихнулся. От одиночества. Но теперь мы тут, правда, Толик?

– Правда. – Толик зачехлил камеру.

– И зачем вы... здесь? – поинтересовался Далматов, надеясь на чудо.

Чуда не случилось. Впрочем, ясно: на чудеса ему никогда не везло.

Во всем виновата была камера.

Однажды Толик заглянул в ломбард. Он возвращался домой с работы, которая достала, как доставала всегда, особен-

но в преддверии выходных. Курил. Мечтал о том, что работу однажды сменит, в глубине души понимая, что никогда не решится на подобный шаг. И тихо себя ненавидел за бесхребетность.

А дорогу перекопали. Толика остановила бело-красная лента, которая покачивалась на ветру. Сразу за лентой возвышалась гора песка и вторая – колотой плитки. В раскопе виднелись ржавые трубы, и Толик понял, что горячей воды, наверное, сегодня не будет. Завтра, впрочем, тоже.

Это обстоятельство привело его в уныние, и Толик решил пить. Он свернул на тропинку, протоптанную на полизавшем за лето газоне, и направился к магазину, но увидел ломбард. Узкое здание едкого оранжевого окраса прилипло к массивному стволу двенадцатиэтажки. Из двускатной крыши торчала труба, правда, не дымилась. А ко второму этажу поднималась металлическая лестница с широкими дубовыми перилами. Она заканчивалась площадкой перед дверью, над которой красовалась вывеска: «Ломбард».

Завороженный вычурностью букв, самым их сочетанием, Толик поднялся по лестнице, толкнул дверь и очутился в помещении длинном и неуютном. В нем пахло канифолью, лавандой и еще чем-то неприятным, навевавшим ассоциации с больницей.

Лампы довоенного образца с толстыми круглыми плафонами давали свет тусклый, размытый. И помещение казалось бесконечным. Вдоль одной стены выстроились столы,

на которых лежали самые разные вещи: меховые шапки, старые подсвечники, часы всех форм и размеров, украшения из янтаря и фарфоровая посуда. Вереница утюгов и огромная медная сковорода с зеленоватой каймой окислов.

Вторую стену занимала мебель: шкафы с резными коронами, буфеты, стулья и этажерки. Леопардового окраса софа и древний телевизор на ножках. В дальнем углу высилась поленица из ковров.

– Вам помочь? – спросили Толика, и он, обернувшись на голос, понял, что пропал.

– Я там не работала. Я к дяде зашла. Я вообще-то модель. – Зоя сидела на столе, закинув ногу на ногу. Ноги были хороши, а унты розового цвета и того лучше.

Зоя ела. На коленях ее лежал льняной платок. На платке – фарфоровая тарелочка. А в тарелочке – пророщенное пшеничное зерно.

Ноготки цепляли зеленый росточек, тонкий и хрупкий, вытаскивали и отправляли в рот. Зоины зубки перемалывали размякшее зерно, и на губах блестели капельки воды.

– Но моделью быть тяжело. И дядя говорит, что женщине надо дома сидеть, а не... ну он очень тяжелый человек, мой дядя. Такой же бука, как ты.

Саломея хмыкнула.

Мелли. Милое имя для овцы, а Саломее явно не по вкусу. Ну тем хуже для нее.

– Только ты не такой старый. А у тебя машина есть?

– Есть, – сказал Далматов. – И дом. С колоннами и зимним садом.

– Пра-авда?

Зеленый росточек упал на Зоины коленки. Губы ее округлились, и глаза тоже округлились. Ей, наверное, говорили, что это выражение ей к лицу, как и все другие выражения. И что Зоя хорошо играет, лучше всех звезд Голливуда, вместе взятых. Врали.

– А чем ты занима-а-ешься? – Она тянула гласные, превращая слова в сладкие ириски.

– Ювелиркой. В основном.

– Да-а-а?

Толик фыркнул и отвернулся от Зои. Это не ревность, просто он не видел смысла в этом разговоре, да и вообще сердце его было отдано камере.

Ее он увидел в сумрачном зале ломбарда, на высоком столике из черного дерева с инкрустацией. Инкрустация, правда, от времени потрескалась, а столик крепко поели жуки, но какое это имело отношение к камере? Она возлежала на этом деревянном троне, великолепная в каждой детали своей.

Два с половиной килограмма совершенства.

Серый корпус, прочный, эргономичный, устойчивый к царапинам и ударам. Широкоугольный объектив Leica dicomar. Оптический стабилизатор. Камкордер с возможно-

стью подключения как простых, так и профессиональных микрофонов.

Видеокамера Panasonic AG-HMC74 очаровала Толика.

– Сколько? – спросил он и лишь тогда глянул на девушку, стоявшую за плечом.

И она озвучила цену.

Цена показалась Толику запредельной, потому что столько денег у него не было. И даже половины не было... Одолжить? У кого? А отдавать как?

Уйти нельзя остаться.

Камера смотрит на него слепым объективом. Ей страшно в этом месте забытых вещей.

– Она хорошая, – сказала девушка, смахивая с корпуса пыль метелкой из гусиных перьев. – Ее недавно привезли.

Хорошая. Чудесная. Великолепная.

– А... а ее можно отложить? – Толик сглотнул слюну, дав себе слово, что обязательно найдет деньги. Девушка дернула плечиком и ответила:

– Наверное.

– А... а если не на день? На неделю? Я залог оставлю.

В кошельке было рублей двести. Смешно, если подумать, но Толик не смеялся, выскребая все до последней монетки.

– Вы кино снимать хотите, да? – поинтересовалась она, складывая купюры в картонную коробку.

– Да, – неожиданно сам для себя ответил Толик.

– И про что?

– Ну... пока не знаю.

Но снимать будет, потому что камера создана для съемок, а Толик готов сделать все, чтобы камера была счастлива. Наверное, он и вправду сделает фильм. О чем-нибудь, неважно, о чем именно, но главное, что это будет самый лучший из всех фильмов.

Только сначала надо как-то извернуться и выкупить камеру из неволи.

С этими мыслями он побрел к двери. Каждый шаг, уносивший его от предмета страсти, давался с трудом. И лишь обещание вернуться, данное не столько камере, сколько себе, примиряло Толика с разлукой.

– погоди, – девица догнала его у двери и схватила за руку. – У тебя нет денег, так?

Увы, мир жесток к влюбленным.

– Я могу помочь.

Чем? Смуглая, загорелая, со стеклянными голубыми глазами, в которых ни тени разума, эта девчонка вызывала лишь глухое раздражение. И еще ревность. Она останется в ломбарде. Будет смотреть на Толикову камеру. Трогать ее. Включать. Касаться наманикюренными пальчиками корпуса или даже царапать беззащитный объектив...

– Это дядин магазин. И я могу побазарить про аренду. Временную. А потом ты купишь камеру.

Аренда? Ну... на неделю. Или две. Или три. Пока Толик не соберет всю сумму.

– Или вообще попрошу, чтобы частями платить. В кредит. Именно! Толику самому следовало догадаться. Кредит!

– Только у меня одно условие. – Девушка провела коготком по Толиковой майке, как будто собиралась распороть ее. – Пусть кино про меня будет!

– Ну не в том плане, что про меня – это как про меня, – Зоя подвинулась чуть ближе к Далматову. – А чтобы я играла! У меня, между прочим, талант. Все говорят!

– Не сомневаюсь.

Саломея терзала волосы, вытягивала прядку, разминала ее пальцами, отпускала и другую вытягивала.

– И без меня с дядей он бы в жизни не договорился! А я договорилась. И вот... мы сначала другое кино снимали. В городе. Ну там про клубы и все такое. На «НТВ» отправили.

– Только им на фиг не упало, – нарушил молчание Толик, прилаживая камеру на плечо.

– Ага. Точно. Сказали, что про клубы кто угодно может. А им эксклю-у-зив нужен. Откуда его взять-то? И тут Викуша! Остров. И все пропадают! Как в том кино, которое ужасы! И я ему сказала, что давай и мы снимем! Ну чем мы хуже других? И Викуша обрадовалась бы.

– Так вы дружили? – Саломея отвернулась от камеры, которая, описав полукруг, заглянула с другой стороны.

– Мы? Конечно! Я ее в «Одноклассниках» зафрендилла. И она меня. А еще в салон вместе ходили. Красоты. Она меня

к своей маникюрше записала. Вот, правда клевенько? – Зоя растопырила пальчики и сказала укоряющим тоном: – Женщина должна следить за своими руками! Если она женщина, конечно. Толик, нас сними, ладно? И печку тоже! Я туда сама дрова запихивала, представляешь? Они грязные, просто жуть! Может, даже с жуками. Ненавижу жуков. Они такие... такие... жуть прямо.

Камера блуждает. У нее собственное видение места и эпизода. Она задерживается на старых изразцах, склоняется к ним, запечатлевая поблекшие рисунки цветов и трав, отступает. Поворачивается к Саломее и долго разглядывает рыжий ее затылок.

Это неприятно.

И Зоя хмурится. Ей непривычно, что снимают кого-то, кроме нее. В наступившей тишине слышно, как трещат дрова в печи... Дров почти не осталось. В сарае есть бревна, но их надо пилить и рубить. Ни то ни другое Далматов сделать не в состоянии.

– А нас сюда везти не хотели! Представляешь?! Мы думали, что найдем кого из местных. Проводника. Чтоб как в кино. А они ни за что. Потом, правда, нашли одного. Он согласился. Ну, что сюда привезет. И назад тоже. – Зоя выгнулась и запрокинула голову. Очередная картонная поза с каскадом соломенно-желтых волос и розовым мехом, который так хорошо сочетается и с волосами, и со смуглой Зоиной кожей.

– Когда назад?

Этот вопрос волновал Далматова куда сильнее Зоиных фантазий, волос и мехов.

– Неделя, – ответила она, блаженно улыбаясь.

– Угумс, – Толик промычал и направил камеру к потолку, к решетке балок и стропил.

Саломея сунула руки в карманы и встала:

– Пойду... осмотрюсь.

Глава 8

Я иду тебя искать

Тик-так. Тик-так.

Тики-тики-так.

Время бежит по кругу цирковой лошадкой на привязи серебряной стрелки. Некогда стрелок было две, а циферблат имел иной окрас, обыкновенный, белый, с логотипом фабрики «Луч», но поистерся, а стрелка и вовсе потерялась.

Правильно, на острове не существует времени. И человека тоже.

Когда-то у него было другое имя. Бессмысленный набор звуков, который не вызывал в душе никакого отклика. То ли дело – нынешнее.

Кал-ма.

Имя появилось не здесь, на острове. Раньше. Оно пряталось в квартире с низкими потолками, которые, устав белить, заклеивали обоями, не встык, но внахлест. И толстые швы выделялись. Калме они казались рубцами на ткани потолка. Печной дым – а топили все еще дровами, – вырываясь не в трубу, но в комнату, расползался по обоям, стирая блеклые цветы. В квартире, да и в самом доме вечно пахло подгоревшим луком и старым салом, и у Калмы запах этот вызывал тошноту.

Она пряталась от запаха в комнатухе, где кое-как уме-

щались стол, буфет и кровать с горой из подушек. Каждый вечер гора разбиралась, а утром – собиралась. Очередная бесполезная работа, как и подметание трухлявого пола. Калма ненавидела и пол, и веник, собранный из колючей солом. Веник скреб доски с шаркающим неприятным звуком и норовил одарить занозой. Дорожки полагалось выносить во двор. Летом их вешали на турнике, зимой – раскатывали по снегу и, надев старые валенки, ходили, вытаптывали грязь. В ткань забивался лед, который дома таял и добавлял мокроты и холода.

Теперь все иначе. Тот, дрянной дом со щелястыми рамами, из которых вечно, даже в июльскую жару, сквозило, остался в прошлом. А нынешний был Калме дорог.

Она сразу поняла, что это место – особенное. Его следует беречь от чужаков.

И чужаков следует беречь. Там, в детстве, у Калмы не было игрушек. Ракушки, птичьи перья, камни нарядные – этого казалось достаточно, но теперь она понимала – ничуть не достаточно. Ее обделили, и это было несправедливо. Поэтому сейчас она просто восстанавливала справедливость.

Нынешние куклы были хороши.

Она усадила их за стол, предварительно очистив его от налета плесени. Позже она притащила стулья и старую скатерть, расшитую лиловыми георгинами. Чашки. Блюдца. Бронзовый самовар с высокой короной. И нарядный серебряный кофейник, украшенный гербом СССР.

Сцена создавалась тщательно. Калма получала огромное удовольствие от процесса. И усадив последнюю из кукол, она подумала, что в пещере еще много места.

– Ведите себя хорошо, – сказала она куклам и, не удержавшись, наклонилась, приникла губами к холодным волосам. – Я скоро вернусь.

Куклы не смотрели на нее, но лишь друг на друга.

Чашки. Ложки. Самовар.

Диссонанс мешал Калме уйти. Это как назойливое гудение комара, которое сразу и повсюду.

Что не так? Она ведь старалась! Обойдя стол по кругу, она поправила салфетку на коленях мужчины. И вложила чашку в заледеневшую ладонь женщины. Сдвинула самовар левее, к третьей кукле, но и это не спасло...

Все не правильно! Не так! А как?

Калма не знала. Нет! Знала. Не хотела этого знания и от него же бежала, понимая, что вернется, что все равно исполнит должное.

Она ведь дала слово. А слово надо держать.

Потом... позже. Сейчас она знает, чем заняться. Шутка будет хороша! Только поспешить надобно.

На улице было холодно. Нет, нельзя сказать, что в доме стояла тропическая жара, более того, ночью Саломея замерзла, от холода, собственно говоря, она и проснулась. И удивилась тому, что сон оборвался так резко и что она вообще

помнит все происходившее, пожалуй, слишком уж хорошо.

Она на цыпочках выбралась из комнаты и уже в коридоре надела ботинки, холодные и неудобные.

Растопила печь остатками дров.

Принесла снега и натопила воды.

Похвалила себя за хозяйственность, прежде не свойственную, и встретила гостей. Их Саломея заметила издали. Девушку в чем-то розово-голубом и высокого парня с камерой на плече. Он нес ее как-то так, что казалось, будто головы у парня нет, но прямо из плеч вырастает эта самая камера.

– Привет! – сказала девушка. – А мы к Викуше. В гости!

Узнав, что Викуши нет на острове, девушка ничуть не расстроилась.

Действительно, зачем ей Викуша, когда Далматов имеется?

Снег сохранил следы чужаков. Тянулись они к берегу, и Саломея пошла рядом с протоптанной дорожкой. Мороз крепчал. С хрустом проламывался наст, и Саломея проваливалась в рыхлые сугробы. Сейчас остров не выглядел опасным. Небо прояснилось. Солнце повисло над вершинами елей, окрашивая их нарядной зеленью. Сияли сугробы.

И лишь в лесу свет исчезал. Он пропадал как-то сразу и вдруг, погружая окрестный мир в густую лиловую тень, как будто мир этот, вместе с елями, березами и старыми камнями, выставшими из земли, вырезали из лилового аметиста.

Красиво.

И жутковато.

Наверное, не следовало уходить так далеко... и вообще выходить из дому. Одной. Без оружия.

Хрипло закричал ворон. И черные тени поднялись к небу, стряхивая на голову Саломеи снега. Мелькнула тень слева.

Справа.

И впереди тоже. Тени стелются у земли, и не понять – реальные они или же рождены страхом.

Не бежать. Кто бы это ни был – не бежать. Остановиться. Вдохнуть воздух – обжигающий, ледяной – и медленно развернуться.

Ухнуло сердце: никого.

Смеется ворон. И тьяканьем отзываются волки. Как Саломея забыла о волках? О чем она думала?

О Зое в меховой курточке, в голубом костюмчике и розовых сапожках. О том, что Зоя следит за ногтями, волосами, да и вообще всем, потому что она – настоящая женщина. А Саломея тогда кто? Недоразумение, которое не вовремя выпало из зимней спячки.

Ревность?

О нет, скорее обыкновенная злость. Зоя ведь не виновата, что она лучше.

Саломея сделала шаг, пытаясь попасть в собственный след, когда на тропу перед ней выскочил волк. Волк был крупным, черного окраса. Он широко расставил передние лапы, неправдоподобно тонкие и длинные, пригнул голову

и оскалился. Желтые глаза его смотрели на Саломею неотрывно.

В них не было злости, но лишь предупреждение: еще шаг, и тебе конец.

Предупреждению Саломея вняла. Она остановилась, медленно вытащила руки из карманов и сказала:

– Мы с тобой одной крови.

Волк зарычал. Наверное, не поверил.

Ну, и что делать?

Время шло. Волк все так же разглядывал Саломею, а она – волка, но осторожно, опасаясь спровоцировать взглядом.

– Я читала, что на самом деле волки не нападают на людей... разве что бешеные. Ты не бешеный?

Розовый язык вывалился из приоткрытой пасти.

– Если нет, то... может, разойдемся? Ты своей дорогой. Я – своей. Я тебе не враг.

Волчья голова нагнулась ниже, а шерсть на загривке опала. И волк, вздохнув, улегся поперек тропы. Саломее показалось, что зверь улыбается.

– То есть туда мне нельзя? А если дальше? – Она медленно сделала шаг назад, надеясь, что не оступится и не упадет.

Волк лежал.

Еще шаг. И третий. На пятом зверь поднялся и пошел за Саломеей. Он явно не собирался оставлять ее одну, как не собирался и убивать. Во всяком случае, пока.

– Тебе что, совсем нечем заняться? – Голос прозвучал жа-

лобно. – Ну какое тебе до меня дело?

Волк кивнул: никакого.

– Тогда чего ты за мной увязался, а?

Еще шаг... лес закончится и... что? Голый берег? Тут хотя бы на дерево залезть можно. Теоретически.

У самой кромки леса волк остановился, развернулся и нырнул в тень. Он вдруг исчез, словно и не было его... а если и вправду не было?

Саломее примерещилось?

Или не примерещилось, но что-то спугнуло зверя.

– Эй! – Саломея сунула руку в карман. – Выходи! Или я стреляю!

Качнулись еловые лапы, стряхнули снег, пропуская человека, которого Саломея точно не ожидала здесь увидеть: серая охотничья куртка с меховым воротником, высокие сапоги, мягкие перчатки и камера на плече. А лица за ней опять не увидеть.

– Клевый эпизод, – сказал Толик, опуская камеру. – Жалко, что он ушел... Стой! Да. Вот так смотри. Ей нравится, когда так смотрят... выразительно. Зойка не умеет. Зойка – это почти что сойка. Бесплезная птица. Но мы ей должны.

– И давно вы за мной следите? – Саломея попыталась унять дрожь в коленях. Дрожь не унималась.

Пожав плечами, Толик отвернулся. Стекланный глаз камеры скользнул по еловым лапам, взрытому снегу и вернулся к Саломее. В линзе она видела свое отражение, искаженное,

выпуклое и такое пугающее.

– Вы могли бы раньше его спугнуть.

Это не упрек, но необходимость. Тишина давит на уши.

– Эпизод был классный. Ты на маяк?

– Нет.

– Рядом. Там, – Толик указал на цепочку волчьего следа. – Там классно. Наверное. Я не бывал здесь раньше.

Саломея ему не поверила, и Толик понял.

– Ну ладно, – сказал он, опуская камеру. – Бывал. В прошлом году. С приятелем. Рыбачили. Приятель утонул. Уже потом. А рыбачили тут.

Глаза у Толика выпуклые, крупные, а сами черты лица – мелкие. И все это лицо словно собрано из разных частей, наспех. Оно невыразительно, и кажется, что именно поэтому Толик за камерой и прячется.

– Зачем вы вообще за мной пошли? – Саломея обняла себя, пытаясь хоть как-то согреться.

Толик вопроса не услышал. Он повернулся и, сгорбившись, сунув под мышку камеру, зашагал по волчьему следу.

Идти за ним? Возвращаться? Продолжить путь к пустому берегу? На берег Саломея насмотрелась. А вот к маяку наведаться стоило бы.

Он стоял на каменном бугре, лысом и покрытом блестящим панцирем льда. Маяк вращался в гору и спускался ниже, в черную воду. Озеро обгладывало его, как голодный пес глодает кость, и старые валуны, из которых собирались стены,

побелели.

Толик, присев на корточки, снимал их, а еще волны и коричневатый кленовый лист, застрявший между камнями. Тень маяка падала на воду и сливалась с чернотой.

– Ты знаешь, что это озеро никогда не замерзает? – Камера вновь повернулась к Саломее. – Ладога вот мерзнет. И другие. Лед толстый. Машину выдержит. А здесь – только по самому краю. Почему так?

Ветер толкнул, сдернул капюшон куртки. Шершавый язык его лизнул щеки, тронул волосы.

Красиво.

И жаль, что нет льда. По льду можно было бы уйти с острова.

Внутри маяка все было бело, не снег – птичий помет, проевший стены и старые балки. Летом здесь должна стоять невыносимая вонь, но сейчас пахло лишь водой и йодом, пусть запах этот и странен для озера.

Саломея прошла в дверной проем, коснулась старого разбухшего косяка, ржавых гвоздей и петель. Перешагнула через порог и оказалась в узком, гулком помещении.

– Эй... – Голос ее, отраженный стенами, рванулся вверх. Эхо спрятало звуки шагов и скрип лесов, паутина которых затягивала башню изнутри.

– Ее реставрировать хотели, – шепотом пояснил Толик. Он снимал все. Трещину в камнях. Перехлесты балок.

Змеиный клубок колючей проволоки. Забытый башмак, на который падал солнечный луч, и воздух над башмаком сиял...

Следы Саломеи. Ноги Саломеи. Саму ее, ступающую осторожно по щебенке и камням.

Ухало сердце. Желудок свернулся тугим комом. Страх был безотчетным. И кровь давила на виски, требуя убраться отсюда.

Нет.

Тишина вновь нахлынула, накрывая с головой. Душная. Горячая. Запредельная. Старый маяк вдруг вытянулся и сбросил годы. Он подымался вавилонской башней, готовой повергнуть в трепет небеса. И гнев их уже копился в мохнатых утробах туч. Скоро он выплеснется электрическими хлыстами молний и громовым набатом. Но пока... лестница в небеса.

Для тебя, Саломея.

Это же так просто. Тени зовут. Пойдем. Ты же способна слышать тени. Раз-два-три. В ритме вальса. Шелестит под ногами? Раскачивается опасно? Ничего. Идем. Выше и выше. Пролет за пролетом. Лестница вьется огромным штопором. И ступеньки у нее узкие, частью – деревянные, частью – железные и тогда трухлявые, в пленке окислов. Но не смотри на них, смотри на небо.

Дверь.

Новая дверь из дуба, гладкого, теплого. От него исходит

особый аромат живой древесины, и ты, прижимаясь щекой, вдыхаешь, медлишь. Ручка медная, скобкой. И четыре ярких гвоздя сияют, словно звезды. Толкаешь.

Переступаешь.

Вершина маяка разрушена. Ветер ударяет в лицо и плечи, откатывается и снова бьет, желая стряхнуть тебя вниз, на острые белые камни, в воду, где раскинулись сети мертвых водорослей. И ты хватаешься обеими руками за поручни.

Железо обжигает.

И запределье уходит, смеется – оно вновь тебя обмануло.

Саломея удержалась. Она стояла на крохотной – два квадратных метра – площадке, с которой открывался удивительный вид. Черная вода. Туманная полоса далекого берега.

На самом краю на корточках, обняв руками колени, сидел парень. На плечах и волосах его лежали снежинки, а щиколотки обвивала массивная цепь, уходившая к двери.

– Толик! – Саломея закричала, отдирая пальцы от железа. – Толик, скорее...

– Я здесь.

Он стоял в дверях, вооруженный чертовой камерой, и стоял, наверное, давно.

– Он мертвый. Я так думаю, – сказал Толик, протягивая камеру. – Подержи. Я сейчас.

Камера оказалась тяжелой и горячей, несомненно – живой. А Толик обеими руками взялся за цепь и потянул. Металл со скрежетом терся о металл. Тело сидело.

Примерзло, наверное.

И Саломея поняла, что парень не сдвинется. Он теперь навеки смотритель маяка. И с точки зрения запределья все верно: мертвому маяку нужен неживой смотритель.

А потом вдруг раздался хруст, такой громкий и противный, и тело повалилось на спину.

– Фигня какая-то! – Толик подтянул мертвеца к двери и перевернул. – Это ж Юрка... Что, получается, что Юрка тоже помер?

Помер. Умер. Убит, пусть ран на теле и не видно. Его покрывает тонкий слой льда – глазурь на белой коже. Синие губы словно нарисованы. И глаза тоже подведены тенями. Они раскрыты, и Юрка смотрит на Саломею.

Улыбается.

– И привязали еще... – В голосе Толика нет страха, только удивление. И камера возвращается к хозяину. Ей надо заснять и это лицо, и руки, обмотанные ремнем, и ноги, скрученные цепью. Амбарный замок на цепи. И картонную табличку, которую парню повесили на грудь.

Калма.

– Мы его не стащим, – говорит Саломея. – И замок не взломать. Там лед.

Толику плевать. Его снова больше нет, зато есть камера с ее отрешенным взглядом на мир.

– Надо позвать сюда...

Кого? Далматова с простреленным плечом? Или Зою с ее

ногтями?

– Или хотя бы вынести его за дверь. От снега. И... и вообще.

Ее все-таки слышат. И Толик вновь отдает камеру, сам же берет тело под мышки и волочет. Звякая, тянется цепь. Натягивается. И лопается со звонким мерзким звуком, на который небо отвечает клекотом туч.

Скоро гроза.

Толик спускается. Ступеньки скрипят, трещат под его ногами. А он идет и не слышит этих предупреждающих звуков, насвистывает под нос веселую песенку.

– Спускайся! – кричит Саломее. – И камеру осторожно!

О да, с камерой Саломея будет очень осторожна. И с ее хозяином тоже.

Тело оставили внизу, уложили за дверь. Взяв камеру, Толик забыл о мертвеце.

А ветер крепчал. Налетая со стороны озера, он гнал снежные стаи, подстегивая их громкими гулками раскатами грома. И сугробы подымались на дыбы, опрокидываясь на людей колючей россыпью.

– Круто! – Толик танцевал в снежных вихрях. Метель, невидимая партнерша, позволяла себя вести. Она красовалась, тщеславная, как все женщины, раскатывала узорчатые покрывала, сквозь которые просвечивал сумрачный ельник.

– Идем! – Саломея попыталась перекрыть ветер. – Скорее! Если не...

Слова растворились в буране.

Темнело. Стремительно, как если бы солнце-свечу задуло ветром. Кружило. Водило. Дорожку затерло поземкой. Возвращаться надо. И чем скорее, тем лучше. Саломея схватила Толика за руку, дернула, сколько было сил, и проорала:

– Идем! Возвращаемся!

Вряд ли он услышал, но кивнул и камеру убрал.

Снег хрустит. Ноги проваливаются по колено и глубже. Саломея барахтается в сугробах, чувствуя себя беспомощной.

Сама дура, сказала бы бабушка. Зачем из дому выходила? Там стены крепкие. И печь. Чайник. Банки с тушенкой.

Толик шел рядом. Длинноногий, тощий, он как-то удивительно легко шагал сквозь метель. А ветер поспешно стирал следы.

Не отставать. А лучше пристроиться следом. В спину смотреть.

Военная куртка, изрядно затасканная, выгоревшая на плечах и с локтями истертыми. Из-под куртки выглядывают пояс и ножны, висящие на нем. Ножей два – слева и справа, оба с тяжелыми рукоятями. И как-то сразу беспокойно становится на душе.

Умеет ли Толик пользоваться ножами?

И для чего они ему?

Ветер насаживался на острые колья еловых лап. Он откатывался, уступая место непроглядной сухой темноте, скри-

пучим голосам древесных стволов и запредельному безотчетному ужасу.

Саломея прикусила руку: нельзя отставать. И сбиваться с пути.

Вперед. По глубокому следу, проложенному Толиком. Шаг. И два. Десять. Устала? Приляг, отдохни. Снег мягок. И в снегу тепло. Волки споют колыбельную.

Нет.

Мерцающий танец теней. Хороводы призраков. Но призраков не существует. И надо идти. След глубокий. Но ведет ли он к дому? Можно ли вообще доверять человеку, с которым ты знакома несколько часов?

Людам в принципе не стоит верить.

Еще десяток шагов. И белый силуэт маячит впереди. Не мужчина – женщина в длинной белой шубе. Она скользит по-над сугробами, оставляя босые следы.

Мерещится.

Идти.

И лес исчезает. На опушке грохочет буран. Белесое варево из снега, ветра и рыжих молний.

– Толик!

Голоса нет.

– Толик!

И Толика нет. Ничего не осталось для Саломеи, кроме как лечь в сугроб.

Дом прямо. Кажется, прямо. Заблудиться страшно...

Страшно ничего не делать. Надо идти. Уже немного. И метель, извернувшись, подталкивает в спину.

Шаг. Еще... и сто шагов, а дома нет.

– Толик!

Саломею бросили. Не нужен нож, чтобы убить. Достаточно вовремя отвернуться. Теперь ее найдут... когда-нибудь найдут. На вершине маяка, глядящей на воду, привязанной цепью...

Ветер ставит подножку, и Саломея падает в сугроб. Мягко.

Легко.

Тепло. Надо полежать и отдохнуть. Всего минуточку. Даже меньше. Просто перевести дух. Нельзя. Вставать. Идти. Уже недалеко. Наверное. А Толик пропал. Бросил. У него ножи и камера, которая крадет чужие лица.

Человек вынырнул из выюги и вцепился в Саломею.

– Толик?

Не бросил. Просто потерял. А теперь нашел. И вдвоем они дойдут до дома. Вдвоем всегда проще, чем одному. Саломея шла. Ее тянули, волокли, заставляя переступать через горбы снега, и вывели-таки к дому. Ветер здесь дул прямо, сильно, разбиваясь о каменные стены.

Саломею толкнули к двери. И в дверь.

В лицо пахнуло жаром, и Саломея глотала этот раскаленный воздух, пытаясь напиться им, прогнать холод.

– Ой, какая ты красная, Мелли! Ужас прямо! – Зоя выгля-

нула в сени. — Ты, наверное, обморозила лицо. Теперь кожа будет жесткой. И сухой. И еще шелушиться.

Ни грамма сочувствия, лишь любопытство. На Зое новый костюм — ярко-красный в лиловые кляксы. Крохотные осьминожки со стразами. Зоя движется, осьминожки шевелятся. Стразы блестят.

— Это так некрасиво, когда кожа шелушится...

— Помолчи.

Саломея попыталась разогнуть пальцы. Смерзшиеся, деревянные, они не слушались и, казалось, хрустели, грозя разломиться. Перчатки прикипели к коже, и когда Саломея содрала их зубами, выяснилось, что кожа краснее Зоинового костюма.

Пальцы не ощущали тепла, даже когда Саломея приложила их к печи.

А если и вправду отвалятся?

Зоя исчезла, зато в коридоре появился Толик с камерой.

Саломея не отказалась бы от помощи. Ботинки снять. И куртку. И вообще переодеться бы, но не во что...

А Толик снимает. Он фиксирует каждое движение, каждую деталь. Подергивание губ. И след от зубов на ладони. Разноцветные шнурки, которые затягиваются тугим узлом, и Саломея борется с ним, пытаясь распутать. Узел же затягивается туже.

Саломея вдруг осознает: незачем ботинки снимать. Сменной обуви нет. А босиком здесь ходить не стоит.

Молния застревает. Куртка падает с сухим треском, на плечах и в капюшоне – снег. Он тает, разрисовывая куртку темными водяными ручейками.

Следы на полу. Яркие. Крупные. Сорок второй с шипами – Толика. Узенький с округлым носиком – Зоин. Массивные башмаки – Саломеи.

– А Далматов где? – спрашивает она, предчувствуя неладное.

– Тебя искать пошел, – Зоя ответила и с улыбкой протянула банку тушенки: – Хочешь? Тебе надо покушать. Когда на улице холодно, то надо хорошо кушать. Правда, я не одобряю, что ты ешь животных, но...

– Давно?

– Уже пять лет, – с гордостью заявила Зоя. – Это не этично – употреблять в пищу мясо живых существ. Им ведь больно!

– Далматов давно ушел?

– Ну... полчаса наверное. Ты не волнуйся. Он вернется. Скоро. Там же такой ветер...

Глава 9

Калма

Он найдет Саломею и лично ее убьет. Удушит. Пристрелит. Спрячет тело в расщелине и забудет о том, что был знаком.

Если найдет.

Раз-два-три-четыре-пять...

Считай до двадцати. Только честно и не подглядывать!

Глупая детская игра, от которой Илья устал, но продолжает играть. Его ждут книги. И тишина собственной комнаты. А он стоит в углу, разглядывая рисунок на обоях, и считает.

Саломея Кейн прячется.

В доме три десятка комнат и сотня потайных уголков, в которых легко затаиться. Илья знает, приходилось. И ему странно, что прятаться можно ради игры.

Десять... одиннадцать...

Шаги теряются. Становится очень тихо.

Двенадцать. Тринадцать.

Она не пойдет на второй этаж. И на кухню вряд ли... В сад? Где ты, Саломея? Выхожу тебя искать.

– Эй... – Ветер срывает слова и топит их в снегу. Следы стирает.

Теперь, если захочешь, не найдешь дорогу обратно.

Какого черта он делает? Ушла? Сама дура. Но риско-

вать... неоправданно рисковать. И чего ради?

– Эй! Ау... – Илья никогда никому не кричал «ау».

Колыхались еловые лапы. Плясали тени. Тысяча теней и тайных мест.

– ...что ты здесь делаешь?

Отец недоволен. Он всегда недоволен, особенно когда рядом нет никого, перед кем это недовольство стоит скрывать. Сейчас же комната пуста.

Илья видит ее – сорок квадратных метров. Дубовые панели. Лепнина. Гобелены. Китайский ковер с яркими драконами и шелковые накидки на креслах.

– Я тебя спросил, что ты здесь делаешь?

– Играю. В прятки.

Молчание. Поджатые губы. Трость постукивает по ладони. Опасный мягкий звук, но нельзя показывать, что слышишь его. Или что собираешься бежать.

Дом огромен, но бежать в нем некуда.

Зато можно сбежать из дому. Илья думал об этом, и с каждым разом мысль казалась все более привлекательной.

– И от кого же ты прячешься?

Крадущиеся шаги. Медленные. Скользящие. Он ходит бесшумно, как кот. А трость все быстрее касается ладони. Илья видит красный отпечаток на коже. И красные же пятна на щеках отца.

– Я не прячусь.

– Я прячусь, Федор Степанович! – Саломея выходит из-за

низкой софы. Обманщица. Она никуда не уходила, но сейчас Илья рад этому. – А он водит.

– Неужели?

Станный тон. И отец отворачивается. Его движения по-прежнему неторопливы, а проклятая трость висает, делает круг в воздухе и касается тыльной стороны ладони.

Радость сменяется страхом.

А вдруг уже поздно? Он не понимает, кто перед ним... или плевать, кто перед ним.

– Значит, ты прячешься... Хорошо прячешься? Запомни, прятаться надо очень-очень хорошо...

Саломея кивает. Она глядит на него, а он – на нее. Ильи словно бы нет. И лучше, если бы его здесь не было, потому что сейчас все изменится, а он снова ничего не сможет сделать.

– И знаешь почему?

Отец останавливается в шаге от Саломеи. Трость касается пола, а разбитая рука ныряет в карман.

– Потому что если чудовище тебя найдет, то съест. Чудовища – они такие. Только и ждут, чтобы тебя сожрать. Ам, и все.

Он наклоняется и трогает Саломею за щеку.

– Так что прячься хорошенько. Поняла?

– Да, Федор Степанович.

– Вот и умница. На вот, – отец протягивает Саломее конфету.

Он уходит из комнаты, мурлыкая под нос песенку. Но трость выбивает прежний нервный ритм. Он еще вернется, позже, когда Илья будет один.

...динь-динь-динь.

Хрустальный перезвон. Игра на ледяном пианино.

Это просто в ушах шумит. Мерещится.

Он устал.

– Присядь, – сказала выюга.

– Обойдешься.

А следов на снегу не осталось.

– Дурак, – ветер нашептывает ласково. Его голос знаком. – Дурачок... куда побежишь? Тебе некуда.

Далматов останавливается. Он на поляне, огороженной мертвыми елями и старыми камнями. Он не помнит этого места, хотя должен бы. Его сложно пропустить.

Ветер остается за границей каменных воинов. Трещины рисуют лица на кусках гранита, еще немного – и фигуры оживут.

Воображение, Илья. Просто воображение. Оно у тебя такое богатое... чересчур даже.

В самом центре круга стоит ледяная фигура. Высокая, выше камней и выше Далматова, она невообразимо хрупка.

Царевна-лебедь в хрустальном оперении. Редкие снежинки украшают наряд, словно стыдясь ледяной наготы. Но тусклый свет просачивается внутрь. Вспыхивает.

Далматову приходится отступить почти к самому краю

круга, за которым вертится волчья стая ветров. Он заслоняется рукой от статуи, не способный отвести взгляд.

Узкое лицо с нечеловеческими чертами. Длинная шея. Покатые плечи. Руки-плети.

– Не уходи, – просит ледяная красавица. – Там зима. Замерзнешь.

– Похоже, что уже.

Она смеется, тихо, ласково.

– Ты же искал меня. А теперь бежишь. Куда?

– Какая разница?

– Ты прав. Совершенно никакой.

Это статуя. Всего-навсего статуя, вырезанная из куска льда. Поставленная здесь, чтобы... у демонов своя логика.

– Ты веришь в демонов?

– Я верю в галлюцинации. С ними как-то не принято общаться. Опасно для душевного равновесия.

И снова смех, от которого уши болят. Еще немного, и барабанные перепонки лопнут.

– Полагаешь, что я – галлюцинация?

– А кто еще?

Далматов коснулся уха. На перчатке остались красные капельки. Кровь? В реальности, объективной, в которой нет ни камней, ни круга, ни статуи, он умирает.

– У меня много имен. Выбирай по вкусу. Калма. Морана. Марь. Кроатон...

Смерть.

– Именно.

Она делает шаг, оставаясь на месте. Но оказывается рядом. И руки ложатся на плечи, узкие ладони с длинными трехсуставчатыми пальцами.

– Верни украденное.

Губы неподвижны. И голос звучит внутри.

– Если ты о камешках, то извини. Так получилось. У меня не было выхода...

– Врешь!

Ну да, бессмысленно врать собственной галлюцинации.

– И мне не нужны камни. Пусть себе... украденное верни. Видишь? – Ладони ее пусты. Два слюдяных цветка. – Его забрали.

– Кого?

– Серп.

– Серпа я точно не брал.

Бред становился крепче, выдержанней, что, в общем-то, для бреда типично.

– Ты – нет. Она – да. Заблудшее дитя.

– Разве у смерти бывают дети?

– Почему нет? Она... и ты. Раньше – больше. Сейчас – забыли. Но вы есть. Ты есть.

Ладони касаются лба, толкают, выталкивают из круга. Далматов падает в метель и катится по рыхлому легкому снегу. Долго. Бесконечно. А когда останавливается, то понимает, что ветер стих.

И дом рядом. Темная глыбина с белым дымом, что тянется из трубы, связывая землю и небеса. Далматов лежит на спине и смотрит в небо.

Прояснилось. Луна круглая, полная, хотя Далматов точно знает, что до полнолуния далеко. И звезды россыпью, хрустальные, словно осколки ледяной богини.

Ее не существует.

Громко хлопает дверь. Снег скрипит под ногами. И тень падает на лицо.

– Ты ранен? – спрашивает тень голосом Саломеи.

– Нет.

– Тебе плохо? Илья... ты меня пугаешь.

– А ты – меня.

Рывком сесть не получилось – напомнило о себе плечо. Больно. И холодно. И в ушах по-прежнему звенит. Наверное, он снова провалился. Бывает. Раньше ярость была, теперь – галлюцинации.

Саломея помогла подняться.

– Ты о чем думала, когда из дому уходила? – Злиться на нее сложно. А ведь собирался убить, тело спрятать и отправить книги памяти в архив. – Ты о чем, черт тебя поberi, думала?!

На этот виноватый вид Далматов не поведется.

– П-прости. Пожалуйста.

И она сделала то, чего Илья никак не ожидал: обняла.

– П-пойдем... в тепло. Ты же ледяной весь.

– Ты не лучше.

– Я щеки обморозила. И руки тоже. Не сильно, но... кожа слазить станет. Так Зоя сказала. У нее новый комбинезон. Красный в кляксы. На осьминогов похожи. И еще сказала, что ты за мной пошел. Я ведь только во двор... продышаться. Там так душно было. А потом вдруг в лесу оказалась. И волка видела. Он меня к берегу вел. И Толик следом. Шел. Снимал. Он на психопата похож.

С этим Далматов согласился охотно. Но промолчал, опасаясь спугнуть момент.

– А на маяке пробой. И тело. Светловолосый такой парень. Его усадили на край и привязали цепью, чтобы не соскользнул. Толик сказал, что знает его. И тело вниз снес. Мы назад шли, когда буря началась. Я отстала... заблудилась. Думала, что все, но меня вывели к дому. Я решила, что это ты... а Зоя сказала – тебя нет. Ушел. И ветер.

– И ты следом?

– Конечно. А как по-другому?

Действительно, как?

Печь доедала остатки дров. Огонь расступался, позволяя уложить поленце на перину серого пепла, и мягко, нежно обволакивал белую древесину.

Раздавался хруст. Вспыхивала щепа. Раскалялась докрасна металлическая плита.

На завтра уже не хватит.

– А макароны вредны для фигуры, – заметила Зоя, сидевшая на столе. Она жевала тонкие хлебцы, смахивая крошки на пол. – Если только не из твердых сортов пшеницы.

Толик устроился в углу. Разобрав камеру, он натирал каждую деталь вельветовой тряпичей и был всецело увлечен процессом.

– И мясо очень вредно. Ты знаешь, что животные перед смертью выделяют негативную энергию и она передается вместе с мясом?

Хлебцы хрустели. Крошки летели.

Не отвлекаться, иначе будет взрыв.

Нельзя бить женщин, даже если очень хочется.

– От этой энергии тело стареет. Изнутри. И морщины появляются. А еще кожа становится желтой.

– Ты понимаешь, что здесь произошло убийство? – спросила Саломея. Она держалась в тени, словно опасаясь привлечь внимание.

Руки у нее и вправду красные, а ногти белые. Голос осип, глаза блестят подозрительно. Но она не чувствует себя больной. Химические чудеса, иллюзия здоровья.

Надолго ли ее хватит?

– Толик показывал. Клево. Я думаю, что теперь Толиково кино купят. Ну, оно же про настоящее. И я там. Я решила в Москву не ехать. В Лондон. Англичанки все уродины. А тут я... У меня с бритишем в школе нормуль было.

Дура.

Но дура ли? Или притворяется? Не поймешь. Одежда на ней самая подходящая для нынешней погоды. Костюм. Ботинки. Даже шапочка с подкладкой на гагачьем пуху. И маска лыжная имеется, чтобы личико не обморозить.

Повезло угадать? Или Зоя знала, куда едет?

– Не боишься, что и тебя тоже? – Саломея поставила открытую банку на плиту. Брала двумя руками, зажимая основаниями ладоней, а пальцы оставались полусогнутыми.

Болят, наверное.

– А меня за что? Я же ничего не делала! Хочешь? – Зоя протянула половинку хлеба. – Здесь отруби. И цельные злаки. Попробуй. Правильное питание очень важно для здоровья. И настроения тоже.

Все-таки иногда очень хочется ударить женщину.

Далматов придержал Саломею за локоть.

– Тебе и вправду надо поесть. А потом займемся руками.

Ложку она держала в кулаке, ела медленно, тщательно прожевывая каждый кусок. И глотала, характерно вытягивая шею.

Толик снимал. Он ел руками, точнее одной, потому как правой придерживал камеру, а левой выуживал из кастрюли макароны и куски тушенки, отправляя их в рот. Глотал не жуя.

Потерял он Саломею? Или бросил?

– Тоска... – Зоя подсела ближе, прижалась плечом. – Расскажи чего-нибудь...

– Расскажи, – присоединилась к просьбе Саломея. – Сказку. Про остров Роанок. Про жнецов.

И украденный серп, который Далматова просили вернуть.

Камера замерла, взяв в прицел Саломею. И это не нравилось Зое. Далматову, впрочем, тоже.

– Давным-давно... в веке шестнадцатом, а точнее в 1584 году, некий Уолтер Рейли, личность авантюрного характера, решил сделать любимой женщине подарок.

У Саломеи день рождения в июне. Хороший месяц. Только солнца чересчур уж много.

– А поскольку любил он королеву, то и подарок искал соответствующий. Снарядил экспедицию. Плыл-плыл и приплыл к берегам Америки.

– Я знаю! Ее Колумб открыл! – Зоя хлопнула в ладоши.

– Землю называли Вирджиния. В честь несгибаемой королевской девственности. Подарок понравился. И ее величество Елизавета I милостиво разрешила Рейли земли колонизировать. Дала на всё десять лет. Не успеет выстроить поселок – потеряет право. А с ним и грядущий доход.

Далматов рассказывал эту историю Таське.

Первая встреча, почти свидание. Во всяком случае, ей все представлялось именно свиданием, которое перерастет в роман. Любовь с первого взгляда. Кипение страстей.

Тоска, и только.

Ресторанчик, пропахший чебуреками. Искусственные цветы в вазочке. Пятна на скатерти. Меню в обложке из кож-

зама. И женщина в мешковатом синем платье. Войлочные бусы в три ряда. Волосы подобраны вверх, и отдельные прядки-спирали касаются пухлых щек.

Женщина выжидает. Она готова согласиться на все, нужно лишь подтолкнуть. Лучше бы поговорить о личном, сказать, что выглядит она великолепно. И что Далматов рад, наконец, встретиться.

Не выходит. И он, спеша стереть неловкость, рассказывает про остров Роанок:

– И уже в 1585 году на берег высадились первые колонисты. Та еще веселая компания. Солдаты, ветераны войн, люди дела... Вот первым делом они и вырезали индейскую деревушку. Якобы за кражу серебряной чашки.

Саломея слушает иначе. Она смежила веки и склонилась к стене. Уснула? Нет, не похоже.

– Убивать нехорошо, – заметила Зоя, с хрустом разламывая хлебец. И камера крутанулась, спеша запечатлеть неровный край, россыпь крошек и тонкие Зоины пальчики, поглаживающие шею.

Таська делала так же, но более нарочито. И локти ставила на стол, наклонялась, норовя заглянуть в глаза с намеком.

– Эта экспедиция провалилась. А колонию почти уничтожили. И уничтожили бы, не проходи мимо судно Дрейка. Он забрал всех, кто изъявил желание убраться домой. Остались пятнадцать человек.

– На сундук мертвеца... – пропел Толик, выглядывая из-

за камеры.

– Именно. Когда на остров прибыла помощь, то выяснилось, что поселок пуст.

Пятнадцать человек на сундук мертвеца. И бутылка рома. Ром привез Родион, запер в кладовке, но Викуша быстро нашла ключ. И ром стал общественным достоянием. Пили каждый вечер, символически.

– Вторая экспедиция прибыла в 1587 году. И возглавил ее Джон Уайт, известная для своего времени личность. Колонистов – сто двадцать человек, среди них – дочь Уайта. Спустя месяц после прибытия она рождает девочку, которую торжественно нарекают Вирджинией. Все почти счастливы. Верят, что жизнь наладится. Даже с индейцами удалось установить мир. Только вот те почему-то настоятельно рекомендовали переселиться на Большую землю. Дескать, небезопасно на острове. А Уайт рассудил иначе. Остров со всех сторон водой окружен. Крупного зверья нет. Людей тоже. Мир и покой этому дому!

Дом отозвался скрипом. Он не верил Далматову. Вещи более злопамятны, чем люди.

Хорошо, что Саломея не злится. Но ей здесь не место.

– Они остались. И пропали. Уайт отбыл в Англию, а вернулся лишь через три года. И обнаружил, что все укрепления форта – разобраны. А дома остались. Пустые брошенные дома.

Такие, как этот. Целые на вид, но прогнившие, поеденные

запредельем.

Этим домам не стоит верить.

– А на дереве было вырезано одно слово – «Кроатон», – Далматов завершил рассказ в полной тишине. Ее не хватило надолго. Зоя сунула остаток хлебца в рот и сказала:

– Круто.

Нисколько. Роанок – ловушка для самоуверенных британцев. А Калмин камень – для Далматова. И еще Саломеи, которая еле-еле держится. И сама понимает.

– Мне... наверное, лучше прилечь. – Она выбирается из-за стола, пряча руки под мышки.

– Ага, – согласилась Зоя. – Фигово выглядишь.

Саломея легла на спальник и свернулась, поджав ноги к груди. Далматов сел рядом.

– Он забрал все, кроме еды. Я искал. Думал, что от Таськи осталось. Или от Викуши.

Переодеться. Переобуться. Согреться, в конце концов. Лоб у нее горячий. Раскаленный, как давешний лист железа на плите. И Саломея морщится от прикосновения, опять закусывает губу, чтобы не застонать. Кожа на ладонях мягкая, водянистая.

Хорошо, если отеком все обойдется.

Ботинки приходится стаскивать. Саломея поджимает стопы, кривится и молчит.

– Больно? А так? Что чувствуешь?

– Колет. И холодно.

– Это хорошо, что холодно. Ну, что ощущаешь холод. Погоди... Ботинки тебе великоваты, а вот носки – в самый раз. Они чистые. Относительно.

Три пары, а больше нет. А поверх свитера – свою байку. Она Саломее маловата.

– Ну и выросла же ты!

Ответом на упрек – слабая улыбка.

– Сейчас мазь наложим, и к утру все пройдет.

– Зализываем раны друг другу?

– Что-то вроде.

Мазь надо втирать. Хорошо, что руки потеряли чувствительность. Далматову не хотелось бы причинять боль.

– Здесь змеиный жир и кое-какие травы... ничего опасного, но пробовать на вкус не рекомендую. Гадость. Выпить я тебе сейчас принесу. Чтобы жар снять.

И для спокойного крепкого сна.

– А завтра мы выберемся отсюда. Веришь?

– Нет.

Аптечная мензурка, спирт, и капля аконита сползает по стеклу. Ромашка. Лаванда. Цветочные ноты, из которых можно составить любую мелодию.

– Почему ты этим занялся? Ядами?

– Сначала хотел убить одного человека. Потом увлекся. Пей. Одним глотком и до дна... вот так. Умница, Лисенок. Сейчас согреешься. И вообще легче станет.

– Ты убил? Того, кого собирался?

– Нет.

– Это хорошо. – Она жмурится, как кошка на солнечном подоконнике. – Все-таки иногда ты – добрый.

– Добро – понятие относительное. Спи давай.

– А ты?

– И я.

Еще рано. Пусть за окном темнота, но зимние дни коротки. И можно было бы продлить вечер в разговоре, только разговаривать не с кем.

Зоя. Толик.

У Таськи вечно находилась тема, целый список тем. Что-то возвышенное, символичное, требующее обсуждения, когда хотелось просто помолчать. С Саломеей молчать удобно. Она не спешит засыпать, лежит, разглядывает его и накручивает рыжую прядку на мизинец.

– Что не так? – не выдержал Далматов.

– Все так, просто... Ты совсем не чувствуешь вины? Ты же привел всех на остров. Не сейчас, а раньше. И сбежал. Ты живой, а они, скорее всего, нет. Один так точно мертвый. И я просто хочу понять, тебе действительно наплевать?

– Мне не наплевать, что я жив. И ты тоже. Остальные пусть сами за себя думают.

Родион. Подозреваемый номер один. Вечно хмурый, настороженный. Полковник в отставке. Частный предприниматель, предприятие которого оказывает консалтинговые услу-

ги. Вот только специалисты в нем числятся весьма специфического профиля.

На втором месте Таська с ее нарастающей обидой. Ее было легко погасить. Пара намеков и ласковых слов, которые не получилось сказать.

Викуша, настороженная, как гюрза на охоте. Красивая. И постоянно требующая внимания к этой своей неземной красоте.

Юрась... Пусть покоится с миром. Похоже, единственный, кого можно вычеркнуть. Он был нормальным человеком, в меру занудным, без меры щедрым. И совершенно бесполезным.

Егор. Замкнутый. Уравновешенный. Влюбленный в Викушу, но тщательно скрывающий эту любовь. Подземный пожар запретной страсти как мотив?

Зоя. Толик.

Саломея, как случайная величина. Она все-таки уснула. Дыхание хриплое, но глубокое и ровное. Жар, правда, держится, зато отеки на руках спадают.

– Спокойной ночи, – сказал Илья, укладываясь рядом.

Заснуть вряд ли выйдет, с другой стороны, ночь – хорошее время для размышлений.

Ласточкино крыло

О свадьбе еще не сговаривались, но в деревне знали, что

вот-вот выпорхнет Тойе-Ласточка из родного гнезда. Матушка ее, поглядывая строже обычного, нет-нет да смахивала тайком слезинку – выросло чадушко. Как ей будет в чужом-то доме, среди новой родни? Отец же все большие хмурился – не по нраву ему был жених, Тойе выбранный. Оно верно – парень статный, собою красивый. Ну и что? С лица воды не пить. Женское сердце – дурное, что птица вполоненная, само не знает, куда летит. И слепит любовь, и оглушает. Вот и не видит Ласточка диковатого блеска в черных очах, нервной жилки на виске и кулаков стиснутых.

Ревнив Тове-Медвежонок без меры.

– Молод просто. Горяч, – сказала матушка, выслушав опасения. – А сам-то каков был? Иль уже запоматывал?

– Люблю его! – крикнула Тойе, ножкой топнув. – За него не пустишь – в озере утоплюся! Вот прямо сейчас побегу и утоплюся!

Конечно, никуда она не побежала, потому как знала наверняка – свадьбе быть. Жизни быть. Разве ж возможно иное на берегу Илмань-озера?

Некогда на самой заре времен, когда боги еще ходили промеж людей, а люди были не чета нынешним – богатыри да красавицы, – привел Илмайллине свой род на берег озера и сказал:

– Тут живите. Берите зверя – ваш зверь. Берите рыбу – ваша рыба. Берите все, что земля родит, – ваше оно. Только не ходите на Калмин камень. Не ваш он и вашим не будет.

Послушали люди: что им до острова? Им и на берегу ладненько. Хорошее место выбрал Илмайллине. Куда ни глянь – леса расстилаются, зверья полные, на ягоду богатые. В озере рыба кишмя кишит. Старики-то поговаривали, будто бы помнят, что и воды за серебристыми рыбьими спинами не видать было. Руками черпали, и все крупную, жирную, полную сытной красной икры.

Сам-то Илмайллине жил ни много ни мало – пять сотен лет. И помер не от старости – прежние-то люди, в которых кровь богов текла, вовсе не старели, – а оттого, что устал. За смертью он на Калмин камень ходил и, видать, сумел договориться. Как вернулся, так лег и уже не поднялся. Сильно горевали родичи. Сложили ему костер высокий, который горел семь дней и семь ночей. А как догорел – ничего-то не осталось: ни косточки, ни пепла, ни даже травы пожженной.

Только серп белый, тонкий, будто из льда выкованный. Многие взять его захотели, но не давался серп в руки, ранил больно, кормил уголь красной кровью. Только лишь самая младшая из дочерей Илмайллине сумела поднять его.

– Не для людей он, – сказала и унесла к дубу.

И все быстро про серп позабыли. Стали жить, как жилось. Били зверя. Рыбу ловили. Бортничали. Сеяли зерно, да местная землица скупа была на урожай... Соседи в поселение заглядывали редко, а чужаки – и того реже. Привозили на торг всякие вещи – железные ножи, серпы да плуги, стек-

лянные бусы расписные, ткани мягкие да красивые. Менялись на шкурки заячьи, лисьи, мед лесной, рыбу вяленую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.